

A man with dark hair and a beard, wearing a white shirt and dark pants, is painting a portrait of a woman on an easel. The woman has blonde hair and is looking towards the viewer. The painting is on a white canvas, and there are red splatters at the bottom. The man is holding a paintbrush and a palette. The background is a dark blue curtain.

*Крисия Ковальски*

**ПОЛНОЧНЫЙ СИНИЙ,**

*или*

*Художник и принцесса*

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# **Крисия Ковальски**

## **Полночный синий, или Художник и принцесса**

*<https://litres.ru/73244321>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

<p>Ильяс не помнил своих родителей. Его воспитал мрачный и суровый дядя Тагир, обладающий подавляющей силой. Богатый, пресыщенный и извращённый в чувственных наслаждениях, он пытается поглотить волю каждого, кто находится рядом с ним. Полная и безграничная власть над людьми, делают его всемогущим в глазах его племянника. Он подчиняет жизнь Ильяса своим правилам, заставляет его заключить циничную сделку с девушкой, которую его племянник любит </p>

# Крисия Ковальски

## Полночный синий, или Художник и принцесса

### Пролог. После аварии

*«Наша жизнь – холст... мы – художники...*

*И если вдруг картина стала чёрно-белой,*

*То стоит взглянуть на кисть в твоей руке:*

*Того ли цвета акварель ты выбрал...»*

*Леська «Жемчужины мысли»*

Луч света проникает сквозь наполовину зашторенное окно, в больничной палате на шесть человек ещё тихо. Но скоро придёт медсестра измерять температуру и раздавать лекарства. Молодой мужчина, чья кровать находится сразу возле окна, от которого нещадно дует, когда осенний порыв ветра начинает гудеть в водосточных трубах, уже не спал, а напряжённо и сосредоточенно вглядывался в тусклое окно. как будто ожидая увидеть в нём что-то важное, значительное. То, что станет ему подсказкой.

Всё чужое и незнакомое, и самое страшное то, что молодой мужчина ничего о себе не помнил. Он обнаружил это не сразу, а только когда к нему в палату зашёл следователь и начал расспрашивать о подробностях аварии.

– Вас в машине было два человека. Вы были за рулём.

С вами был ещё один пассажир, мужчина, на вид лет сорока-сорока пяти. Авария произошла на самом опасном участке, на горном серпантине. Ваша машина полетела под откос, но падению помешали сосны, их стволы удержали корпус машины. Вы ударились головой о руль, так вас и обнаружила бригада спасателей. Второй мужчина за несколько секунд до того, как машине слететь в пропасть, выпрыгнул на полном ходу транспортного средства и сразу же насмерть разбился об асфальт. Вы совсем не помните подробностей? – недоверчиво спросил мужчина в сером вязаном свитере, темных джинсах и с папкой протоколов в руках.

– Я ничего не помню... – растерянно повторил молодой человек, слушая подробности страшной аварии, которую пришлось пережить ему, и о которой он ничего не помнит, – Я даже имени своего не помню. Неужели при мне не было ни документов, ни водительских прав, ни сотового телефона?

– Ничего, – отрицательно кивнул головой мужчина с папкой, – Ваших отпечатков пальцев нет в нашей базе данных. Лицо погибшего мужчины слишком изуродовано, чтобы его опознать. И, очень странный факт, машина оказалась без номеров.

– Врач говорит, что память может вернуться. Если я что-то вспомню...

– Обязательно свяжитесь со мной. Я оставлю вам свои координаты.

На этом они и расстались. Прошло несколько дней, и лечащий врач предупредил, что через два дня будет готовить пациента к выписке. И вот тут то молодого мужчину охватила паника. А куда ему идти? К кому? У него есть дом? Близкие люди? Это было страшно – ничего не помнить, это как будто у тебя нет прошлого и нет будущего, это как будто тебя и нет в этом мире, полном людей. Так, в грустных раздумьях молодой человек слонялся по коридорам больницы, выходил в парк и бродил по дорожкам парка, осыпанных уже пожухлыми опавшими листьями. Моросил мелкий холодный дождь, иногда раздавался шорох шин подъехавшего к крыльцу больницы автомобиля, и тогда в сыром воздухе пахло бензином. На молодом человеке была надета пижама и старая кожаная куртка с чужого плеча, резиновые шлепанцы на босу ногу. Но он не чувствовал холода, вернее, холод не мешал ему бродить по парку. Собственные раздумья были так тягостны, что не оставляли сил, чтобы реагировать на внешние раздражители. Уже к концу рабочего дня на больничном крыльце показалась санитарка баба Нюра, когда – то она была Анной Михайловной и работала акушеркой, но сейчас, судя по её одутловатому лицу, становилось понятно, почему она превратилась в бабу Нюру.

– Эй, хлопец! – окликнула она молодого мужчину, слоняющегося по уже темному, ставшему бесприютным парку, – Поди сюда!

Парень приблизился к крыльцу и молча встал напротив

женщины.

– Што, так ничё и не вспомнил?

Он отрицательно мотнул головой.

– И куды ж ты теперь? Горе-горемычное? Выписывают тебя послезавтра, а тебе и податься-то некуда... – вздохнула пожилая женщина и сразу же бойко добавила, – У меня зять, его Абат зовут, магазин в поселке держит. Послезавтра, как раз, груз ждёт. Поможешь фуру с товаром разгрузить?

– Да, – кратко ответил молодой мужчина, вот уже несколько дней в его памяти всплывает неясный образ очень красивой белокурой девушки, и он очень хотел достать бумагу и карандаш, чтобы запечатлеть её в рисунке, чтобы она стала более реальной и осязаемой, но об этом он не стал говорить вслух, мучаясь вопросом – кто она? Плод его воображения или реальный образ?

– Вот и хорошо. Пока в подсобке пожить можешь. За это коробки с товаром таскать будешь. А там присмотришься, может на хату к кому из поселковых попросишься.

Он вернулся в палату, на ужин не пошёл, лежал, отвернувшись к окну и бесцельно смотрел на стекло, размытое каплями дождя. И вот сейчас, перед рассветом проснулся и почувствовал, что очень голоден. Дождь опять разошёлся, и сквозь порывы ветра было слышно его мерный стук по карнизу.

К обеду пришла баба Нюра и принесла ему старый спортивный костюм. Он надел не совсем чистую одежду с чужого плеча, про себя заметив, что ему неприятно надевать чужое

и не совсем чистое, и в своей прошлой жизни он бы никогда так не сделал. Но сейчас выбирать не приходилось, и он был благодарен этой пожилой, страдающей алкогольной зависимостью женщине за то, что она проявила участие к его жизни. Он попросил бумагу и карандаш. К вечеру санитарка принесла ему то, что он просил, и он устроился на подоконнике и стал рисовать, не обращая внимания на разговоры и шум голосов в палате. Впрочем, его не беспокоили с расспросами, сочувственно поглядывали и не пытались расшевелить его и заставить вспоминать.

Его рука взяла карандаш уверенным движением и начала выводить на чистом листе уверенные размашистые линии. Он рисовал с упоением, забыв о присутствующих рядом людях, забыв о том, что ничего не помнит. Он видел, как линии становятся изящной женской фигурой, длинные волнистые волосы, красивое лицо с задумчивым взглядом больших глаз в обрамлении густых ресниц, тонкий аккуратный носик, нежные чуть пухлые губы. Девушка на листе бумаги была прекрасна. И она была обнажена. Его рука с детальной точностью прорисовала все её изгибы. Он растушевывал линии, полутени, и не сразу понял, что её прекрасное обнажённое тело покрывается сложным запутанным узором из верёвок. В его окончательном рисунке красивая обнажённая девушка обмотана верёвкой как паутиной, но обмотана так красиво, что кажется, это изящное тело бабочки запуталось в паутине. Что это? Опять его больная фантазия? Или это

уже было, было...

От умственного напряжения разболелась голова, и он отложил карандаш, аккуратно согнул лист вчетверо, не желая кому-либо показывать свой рисунок. Но загадочная девушка не спешила покинуть его сознание. Теперь она виделась ему не на бумаге, а в тёмной комнате с приглушённым светом, обнажённая, связанная и безумно желанная. Кто она? И кто он? Кто он, если ему принадлежала эта прекрасная и полностью подчинённая ему девушка?

Когда настало время выписки, за ним пришла баба Нюра и принесла старую, но чистую, отглаженную одежду своего покойного мужа – старомодную клетчатую рубашку, брюки, носки и поношенные кеды, которые оказались тесными. Но парень всё равно натянул их на ноги, потому что больше надеть всё равно было нечего.

– Не выкидывала. Как знала, что понадобится. Пойдём, сынок, к нам. В тесноте, да не в обиде, как говорится...

А что он мог возразить? Ему действительно некуда идти, и это осознавать это было страшно. И он, поблагодарив бабу Нюру, пошёл с ней.

Его поселили в летней кухне в закутке между печкой и старым пыльным буфетом, в котором хранились сушёные травы и старая глиняная и алюминиевая посуда. Спал он на узком топчане. Но, как ни странно, новое место показалось ему очень уютным, от протопленной печки шло тепло, очень

вкусно пахло разнотравьем, и на душе становилось спокойно, тревожные тягостные мысли отступали. Он и не подумал обижаться за то, что ему не выделили место в доме. Когда они пришли, то он увидел незатейливое хозяйство бабы Нюры – старый, с облупившейся краской дом, маленькая дощатая летняя кухонька, чуть покосившийся сарай, гряды с овощами, небольшой сад с кустами уже переспелой чёрной смородины, крыжовником и раскидистой, но приземистой янтарной облепихой, такой рясной, что её тяжёлые ветви склонялись к земле.

Каждый день он вставал рано, выпивал пустой чай и шёл в магазин, где к восьми утра ждали машину с грузом. Работа оказалась совсем простой – перетаскивать картонные коробки с молочной продукцией из машины в подсобку небольшого супермаркета. Но вместе с тем молодой мужчина чувствовал, что никогда раньше ему не приходилось заниматься такой работой. Хозяин магазина, полноватый и приземистой кавказец дядя Алат произвёл расчёт сразу же, дал несколько сотен рублей двум грузчикам. Но эти деньги парень не стал тратить, принёс и отдал бабе Нюре. Она взяла бумажные купюры, бережно сложила их пополам и убрала в карман своей кофты, а после позвала парня за стол, налила тарелку борща. Вкус показался странным, не привычным. Очень мало мяса и много кислой капусты, бульон немного подкрашен томатом. Парень был уверен, что если и ел раньше что-то подобное, то очень редко. Но суп съел, хоть и без особого аппетита,

голод не позволял привередничать. После обеда он поблагодарил хозяйку, спросил, чем помочь. Баба Нюра оживилась и попросила наколоть для бани дров.

Парень взял в руки топор, оценил его тяжесть, повертел в руках... Как-то непривычно... Но размахнулся и попробовал расколоть толстую чурку. Сначала не получилось, топор отскочил, чудом не попав по его руке. Молодой мужчина снова озадаченно посмотрел на топор в своих руках. Он, что... совсем физически не работал, что ли?! В смысле не топор, а он сам, молодой мужчина. А что же он тогда делал? Чем занимался? В голове ни одной мысли... Поэтому парень дальше вдумываться не стал, снова попытался разрубить чурку. Вскоре после нескольких неудачных попыток он приноровился, и у него начало получаться. Через два часа он переколол все чурки, которые лежали в куче возле деревянного почерневшего от дождей и времени забора, и аккуратно сложил их в поленницу.

– Какой молодец! – похвалила баба Нюра, – А то уж и не знала, кого просить. Ну иди, хлопец, отдохни. Завтра с утра Абат зовёт тебя за грузом ехать.

– Надолго? – поинтересовался парень.

– До продуктовой базы в районном центре. Часа три туда и столько же обратно. А тебе куда спешить-то?

Парень пожал плечами, потирая пыльные от древесной коры ладони. И вправду, спешить было некуда и незачем.

Вечером он долго бродил по песчаному берегу небольшой

и тихой реки, смотрел на закат. Лилово-малиновое небо над горизонтом и медленно плывущие по нему перистые облака вызывали в душе какое-то смутное тревожное чувство. Хотелось взять кисти, краски и на холсте передать красоту этого заката. Он ещё долго стоял, а потом и сидел на вынесенном на берег бревне и смотрел на почти зашедшее за реку солнце. А когда солнце исчезло, оставив после себя только слабые тёмно-малиновые отблески, небо потемнело и приобрело насыщенный синий оттенок. «Полночный синий», — подумал молодой мужчина, и вдруг в этот же момент его сознание прожгла догадка. Он знает этот оттенок синего, он так привычно на глаз определил цвет... Кажется, когда-то он уже видел такой закат над рекой и даже рисовал его кистью. И точно смешивал в палитре цвета, чтобы добиться такого насыщенного глубокого синего цвета, который поглощает, манит тайной своих холодных глубин... Молодой мужчина посмотрел на свои руки, жилистые и мускулистые, с большими ладонями и на удивление длинными пальцами. Да, это пальцы художника. В этом он больше не сомневался, и непривычное волнение снова охватило его. Что он рисовал? Где его картины? Назад он вернулся ещё в более взволнованных чувствах, более растерянным и несчастным, как до прогулки на реку.

В эту ночь он спал без сновидений, а рано утром его разбудила баба Нюра, накормила пшённой кашей и дала поручения.

– На базе купишь мне мешок муки, там наполовину дешевле. Вот тебе деньги. Да смотри, не забудь.

– Ну это-то уж я запомню, – отозвался парень.

– Что же ты без имени будешь? – вдруг спохватилась баба Нюра, – Давай я тебя Рамилем называть буду. Был у нас в посёлке один парень из Казани, чёрненький, кудрявый, темноглазый как ты.

– Хорошо, называйте Рамилем, – легко согласился молодой мужчина. И вправду, нужно же ему какое-то имя хотя бы для того, чтобы люди к нему как-то обращались. У всех есть имена, только у него нет имени. Вернее, тоже есть, но вспомнит ли он его когда-нибудь? И снова душу сковала тоска. Пытаясь отогнать от себя грустные мысли, Рамиль направился к магазину, где его уже ждал грузовик дяди Амата. Как и обещал, Рамиль загрузил машину товаром и купил мешок муки для бабы Нюры.

На обратном пути мешок выгрузили возле дома бабы Нюры, а сам Рамиль ещё минут на сорок задержался в магазине, разгружая товар. Аमत ещё раз перепроверил товар по накладным, удовлетворённо кивнул и предложил Рамилю:

– Давай завтра ко мне на заправку, в кафе. У меня одна официантка заболела, не выйдет. Подменить надо. На неделю.

– Ладно, выйду, – легко согласился Рамиль.

Когда он пешком вернулся домой, на пороге его ждала баба Нюра. Рамиль занёс мешок с мукой в сарай, отдал сдачу,

а потом баба Нюра сообщила:

– Ой, а ко мне племянник приезжает, ему спать будет негде. Попроси Амата, чтобы он на заправке тебе разрешил ночевать.

– Ладно, попрошу, – покладисто согласился молодой мужчина. А что ему оставалось ещё делать?

Баба Нюра снова окликнула его:

– Рамиль! Иди хоть поешь. Я вчерашний борщ подогрела и пирог с капустой испекла. Да сначала сходи ведро воды из колодца принеси.

Молодой мужчина взял ведро и направился к колодцу на соседнюю улицу. На обратном пути, когда он нёс полное ведро с колодезной водой, вдруг так резко почувствовал свою неприкаянность, что остановился и с тоской посмотрел вдаль. Где и сколько ему ещё придётся скитаться?

В кафе он освоился быстро, принимал заказы, приносил подносы с едой, уносил грязную посуду. Посетителей было не много, только к обеду и к вечеру зал наполнялся дальнобойщиками. У Рамиля оставалось время помочь на кухне и в подсобке.

Прошло четыре дня, как он работал в кафе на заправке. А на пятый день возле шиномонтажной остановилась роскошная машина красного цвета. За рулём оказалась молодая девушка. Она вышла из машины, поправила волосы и направилась в кафе. В это время Рамиль зашёл в зал, чтобы забрать грязную посуду со столиков, за которыми обедала компания

дальнобойщиков.

Девушка встала в дверях, взглянула на молодого мужчину и застыла. На её красивом лице отразилось недоверие, изумление, радость.

– Ильяс! – позвала она громко, на весь зал, – Господи... Вот ты где!

Рамиль сразу понял, что обращаются к нему. Он почувствовал такое сильное волнение, что в груди сдавило, а в висках молотками застучало, оглушая. А что, если эта девушка его родственница?! И она знает его имя?! Сердце забилося так быстро, что боль от его толчков отдавалась в рёбра, дыхание перехватило, и Рамиль так быстро пошёл к дверям, забыв про оставленный на столе поднос.

Девушка была красива. Длинные, идеально гладкие чёрные волосы собраны в хвост, умело нанесённый неброский макияж, три тонких золотых цепочки на тонкой шее, узкие штаны из чёрной кожи туго обтягивают бёдра, бежевый очень тонкий и очень нежный кашемировый свитер. Рамиля не удивило то, что он, оказывается, хорошо разбирается в тканях и фасонах. Он оценил сразу – эта девушка выглядит очень ухоженно, потому что имеет средства.

Он подошёл, и ему вдруг стало неудобно и неловко из-за своего вида – стираная и давно вышедшая из моды линялая рубашка с чужого плеча на размер больше, спортивные растянутые на коленях штаны, поношенные кеды, которые нестерпимо жмут.

– Ильяс! – возбуждённым голосом обратилась к нему девушка, – Боже, как ужасно ты выглядишь... Ну наконец-то я тебя нашла! Ты не представляешь, чего мне это стоило, каких усилий!

– Вы меня знаете? – спросил он, в его душе вспыхнула такая жадная отчаянная надежда узнать о себе хоть что-то, что дыхание снова сбилось, а сердце больно сдавило, – Простите, я ничего не помню.

– Как это?! Неужели совсем ничего? Так вот почему ты домой до сих пор не вернулся... – потрясённо произнесла девушка и снова возбуждённо затараторила, – Мы наняли сыщика, с которого толку нет никакого. Месяц прошёл после аварии, а полиция так ничего и не смогла нам сказать! Только бесчисленные протоколы писали. А ты, оказывается, в этой придорожной забегаловке работаешь... Ты выглядишь жутко, Ильяс! Одет в какое-то старое тряпье. Кто бы сейчас тебя увидел и не узнал бы. И мне бы не поверил, если я скажу, что ты так можешь одеться.

Из всей её болтовни самым ценным было то, что он узнал своё имя. Ильяс! Оно сразу же легло на душу, сразу же отозвалось в его сознании: «Моё! Моё имя...» Сладостно отозвалось, щемяще-радостно.

– Простите, – снова повторил Ильяс, желая прервать болтовню девушки, – Вы, наверно, издалека приехали. Проходите, садитесь за столик, расскажите мне кто я... И это ужасно... Это так ужасно ничего о себе не знать. Как-будто и нет

меня. Я себя потерял, понимаете?

– Да уж... – сочувственно кивнула девушка, – Я Эльмира, твоя невеста, а тебя зовут Ильяс Тагаев. Ты племянник Тагира Тагаева, не помнишь?

– Нет. Но вы не представляете, как я рад узнать своё имя. Вы вернули мне себя, спасибо вам, – с волнением в голосе произнёс молодой мужчина. Он и вправду чувствовал себя так, словно снова обрёл значимую часть себя. Ильяс Тагаев. Как всё-таки хорошо снова найти своё имя. Но она, кажется, упомянула, что является его невестой. И он растерянно добавил, – Вы извините, но я вас совсем не помню...

– Ах, да! Я Эльмира Салихова. Мы помолвлены. У нас скоро свадьба. Твой дядя настаивал, чтобы как можно скорее... Садись в машину, Ильяс, поедem домой. Я только заправляюсь. Собственно, и сюда-то я чудом заехала с трассы, только потому что бензин кончился.

– Извините, Эльмира, но я не могу так сразу... Дайте мне, пожалуйста, время, хотя бы до завтра. Я сам вернусь. Мне нужно подготовиться. Это нелегко...

– Д, я понимаю... – сникла девушка, – Конечно, понимаю. Если кто-нибудь из твоих друзей и бывших однокурсников случайно увидят тебя в таком виде, они в шоке будут. Но только не тани с возвращением.

– Оставьте мне адрес, по которому я должен приехать. Извините, мне нужно собраться с мыслями...

Как только Эльмира вырвала из блокнота листок с адре-

сом, Ильяс взял поднос с посудой и поспешил в кухню. У молодого мужчины возникло тягостное, но отчётливое чувство, что он сбегает. И сразу же догадка раскалённой иглой прожгла его сознание. А что, если он не хочет ничего вспоминать?! Ни эту девушку, не вызвавшую в нём никаких чувств, кроме неловкости за свой внешний вид и беспомощность из-за потери памяти, ни то, что случилось перед аварией... А может, он и назад возвращаться не хочет? Ведь что-то же помешало ему сесть в машину этой девушки.

Вечером он пошёл к бабе Нюре, потому что обещал ей помочь по хозяйству. Она усадила его за стол и принялась с жадным интересом слушать, как Ильяс рассказывал о разговоре с этой девушкой. Ильяс сидел за столом, обхватив голову руками и крепко сжав виски ладонями. Перед ним стояла тарелка, доверху наполненная борщом, но есть ему совершенно не хотелось.

– Я не знаю эту девушку. Я ничего к ней не почувствовал.

– Таки она ж твоя невеста... – выдохнула потрясённо баба Нюра, – Видно, что она из очень обеспеченной семьи, вона какая машина...

– «Майбах», – внезапно сказал Ильяс, – У меня был такой, только чёрный.

Он сам не понял, как в памяти возник образ дорогого мерседеса, тёмно-синего, переходящего в чёрный, как цвет ночного неба. Полночный синий... И то чувство абсолютной уверенности, что этот автомобиль принадлежал когда-то

ему, удивило молодого мужчину до лёгкого шока.

– Мне страшно, баба Нюра... Мне почему-то страшно возвращаться в мою прошлую жизнь, – с отчаянием признался он.

Пожилая женщина подошла, положила ладонь ему на плечо, тяжело вздохнула и ответила:

– От прошлого никуда не денешься, сынок. Побудь денёк-другой здесь. Я тебя никуда не гоню. Соберись с мыслями, вона ты какой потерянный...

Ильяс взглянул на тарелку с супом, к которой так и не притронулся и сказал быстро, решительно, разгоняя мрачные мысли:

– Баба Нюра, может вам ещё дров наколоть?

– Эх, какой ты прыткий, – засмеялась она, – Дров-то больше нету, все вчера переколот. Пошли в огород, я тебе лопату дам, грядки мне к зиме перекопаешь.

После физической работы на свежем воздухе стало немного легче и спокойнее, внутренняя дрожь отступила, даже аппетит появился. Поэтому, когда вечером пришла продавщица Галина и принесла банку парного молока, это оказалось кстати.

– А мы с Рамилем теперь в одном магазине работаем, – пояснила она бабе Нюре и сразу же обратилась к молодому мужчине, – Ты такой бледненький, Рамиль.

Ильяс вымыл руки под умывальником во дворе и принял стакан молока из рук Галины, быстро и жадно выпил, и толь-

ко после этого сказал:

– Ильяс. Я узнал своё имя.

– Сам узнал? – удивилась Галина, не отрывая наглого призывного взгляда круглых карих глаз с его лица.

– Приезжали к нему. Невеста, – с готовностью сообщила баба Нюра. Галина в миг заметно погрузнела, сникла и задерживаться не стала. После её ухода, баба Нюра заметила:

– Хорошая девка. Да и ты ей понравился. Она, правда, хорошая. Если бы твоя невеста не нашлась, тебе бы пара хорошая была. Она разведёнка, правда. С ребёнком. Но баба простая, работающая. И, главное, порядочная. Раньше Аमत заправку держал. Галя у него официанткой в кафе при заправке работала. Потом дела у Амата плохо пошли, разорился он, бизнес прикрыл, людей ему пришлось уволить. Так Верка Павлова в суд на него подала за то, что компенсацию ей не выплатили, а Галя не стала жаловаться. Так через год Аमत снова на ноги встал, супермаркет открыл и Гальку сам на работу позвал. Сказал, ты, мол, тогда в моё положение вошла, теперь я только тебя хочу на работу взять.

Ильяс слушал рассеяннo, сидел на топчане, по-турецки скрестив ноги и наблюдал, как баба Нюра скрюченными от артрита руками моет посуду.

На следующий день ближе к полудню, когда Ильяс наводил порядок в подсобке и протирал пыль с полок, его окрикнул дядя Аमत.

– Ильяс! К тебе девушка пришла.

И не успел Ильяс выйти, как в дверях подсобки показалась невысокая худенькая девушка, светловолосая и голубоглазая. На ней тонкое шерстяное платье цвета капучино, поверх платья серое пальто. Ильяс, решивший, что вернулась Эльмира, не ожидал увидеть совершенно другую девушку. А она стояла и смотрела на него пристально, не мигая, в красивых голубых глазах застыла холодная злость, нежно-розовые губы подрагивают и пальцы сжаты в кулачки. Ильяс, не обращая внимания на мельтешащего в коридоре любопытного Амата, смотрел на девушку, чувствуя, как в его груди растекается мягкой тёплой волной нежность. А в сознании отчётливая мысль: «Боже, какая красивая... Нарисовать её хочу...»

– Мы знакомы? – спросил он, продолжая разглядывать девушку и ощущая смутное беспокойство, но не такое, как вчера при встрече с Эльмирой. Это было беспокойство другого рода. Он чувствовал острую тревогу за неё и пронзительную, до боли пронзительную, нежность.

– Хватит притворяться, Ильяс! Я не Эльмира, ни слову твоему не поверю! – неожиданно злобно воскликнула она. И несмотря на то, что в её голосе прозвучала только злоба, Ильяс уловил мягкость и бархатистость её голоса, её голос, как и она сама, вызвал в нём трепет, показался родным, прекрасным...

А девушка, гневно сверкая красивыми аквамариновыми глазами, продолжала:

– Хватит строить из себя дурака! Я всё равно тебе не поверю. Не поверю больше! Никогда! Подлец! Бессовестный мерзкий подонок...

Ильяс растерялся от такой реакции девушки и так же растерянно произнёс:

– Но я, правда, ничего не помню...

– Где мой ребёнок? Скажи, где мой ребёнок?! Я никуда не уйду отсюда, пока ты не скажешь, где он! – истерично закричала девушка и вцепилась в рукав его рабочей куртки. Из её светлых чистейших аквамариновых глаз полились слёзы.

– Господи... – опешил Ильяс, но быстро взял себя в руки, подхватил бьющуюся в истерике девушку и осторожно прижал к себе. Она била его кулачками по груди, пыталась вырваться, а он стоял, держал её крепко и чувствовал такое своё родное, тёплое, близкое... К нему вдруг вернулось чувство дома. Он не знал, кто она, ни её имени, не понимал цели её приезда, ни того, что она от него с таким отчаянием требует, но чувствовал такое благодатное успокоение и счастье, какое не ощущал с тех пор, как пришёл в себя на больничной койке.

– Верни мне моего ребёнка, Ильяс! Пожалуйста! Ты обещал... обещал... – она захлёбывалась слезами и отчаянием, а он нежно гладил её по растрепавшимся белокурым волосам, ласково шептал:

– Т-ссс... Тихо, тихо, моя хорошая... Я всё для тебя сделаю, всё, что в моих силах, только успокойся. Тихо, тихо...

Он крепко прижал рыдающую девушку к себе, ощущая её вздрагивающее тело, и стоял неподвижно, почти не дыша... И она, всхлипывая, затихла. Он погладил её по спине горячей широкой ладонью.

– Я, правда, ничего не помню. Была очень серьёзная авария. Страшная авария... Я не знаю, как она произошла и почему я уцелел. Почему я тоже не погиб, как и мой попутчик. Я ничего не знаю... Но я найду твоего ребёнка, чего бы мне это ни стоило. Просто успокойся и расскажи мне всё, о чём я буду спрашивать. И я вспомню. Обещаю, что вспомню и найду твоего ребёнка.

Девушка чуть отстранилась, принялась растирать ладонью слёзы по щекам, а он зачарованно смотрел, как она это делает, на эти её движения и в душе поднималось такое чувство нежности, что мешало ему дышать. Он взял руки девушки в свои ладони, заставил её присесть на стул, сам сел на корточки напротив неё.

– Я даже имени твоего не помню, – тихо произнёс он.

– Аля, – так же тихо, хриплым и ослабевшим от слёз голосом произнесла она.

– Алечка... – повторил он и улыбнулся, его тёмно-синие глаза с теплотой смотрели на неё, – Расскажи мне всё.

– У меня от тебя ребёнок, – произнесла она уже более спокойным голосом, но с такой горечью и упрёком, что у него снова сжалось от боли сердце, – Твой дядя Тагир его забрал и спрятал. И ты, Ильяс, знаешь, где он!

– Знал... – горько усмехнулся он и сразу же решительно продолжил, – Алечка, мне нужно вернуться в мой дом. Это должно помочь мне всё вспомнить. Давай поедем вместе. Ты поможешь мне вспомнить то, что было до аварии.

– Хорошо, Ильяс, поедем, – соглашается она.

– Ты выглядишь бледной, уставшей. Как ты добралась?

– Рейсовым автобусом.

Ильяс сразу же отметил, что одета девушка намного скромнее, чем Эльмира. Значит, у неё и машины нет, раз приехала на общественном транспорте.

– У меня смена заканчивается в четыре. Подождёшь меня? А после я возьму расчёт, и мы успеем на вечерний автобус, как раз к пяти.

Ильяс попросил помощника повара подменить его в зале на пятнадцать минут и отвёл Алё в автомастерскую, где в коморке последнюю неделю жил он сам. Он не огорчился, что баба Нюра из-за приезда внука отказала ему в ночлеге, так даже удобнее было жить на заправке. От посёлка далеко каждое утро ходить на работу. И сейчас он привёл Алё к себе, уложил её на топчан, накрыл одеялом.

– Только подальше от стены ложись, она холодная, бетонная, – предупредил Ильяс, перед тем как уйти.

Аля уснула, но когда проснулась, отдохнувшей не выглядела. Ильяс пришёл с подносом, чашка чая, блинчики с черничным джемом и салат с кальмарами.

– Чай немного остыл, пока я со столов убирал. Но блин-

чики очень вкусные. Сегодня их все заказывали, – говорил молодой мужчина, ставя поднос на низенький столик.

– Я не хочу есть, – раздражённо ответила девушка, но, заметив, как погас его взгляд и лицо мгновенно осунулось, сказала, как будто делая ему одолжение, – Ладно... Ты сам хочешь?

– Алечка, я так волнуюсь сейчас, кусок в горло не лезет. А ты поешь. С утра приехала, домой только вечером попадёшь.

На автобусной остановке Аля стояла потерянная, осунувшаяся. Ильяс хотел её обнять, но она нервным движением вырвалась. Так и стояла, насупившись. «Недотрога», – с нежностью подумал молодой мужчина, взял её холодную руку и сжал её маленькую ладонь, согревая в своей руке.

– Я жилы порву, всё перерою, но найду нашего ребёнка, – тихо, но твёрдо произнёс он, – Поверь мне, Аля. Я найду нашего сына. Это ведь сын, так ведь?

– Да, – кивнула Аля и поспешно отвернулась, закусив нижнюю губу, чтобы снова не расплакаться. Он встал рядом, слишком близко, готовый укрыть её от взглядов чужих людей на остановке.

В автобусе он сам заплатил за два билета. Денег, заработанных у Амата, на это хватало. И это тоже было хорошо, наличие своих денег придавало уверенности в себе. Они прошли в самый дальний ряд. Ильяс пропустил девушку к окну, а сам сел рядом возле прохода. Всю дорогу они тягостно молчали. Аля нервно теребила пуговицу на пальто, а Ильяс

просто опасался снова ненароком вызвать её слёзы. Но всю дорогу ненавязчиво любовался ею, смотрел и разглядывал её лицо, фигуру, нервно сжатые пальцы рук, тонкие щиколотки, обтянутые ремешком осенних туфель, вдыхал аромат её волос и ни за что даже на миг не хотел отпускать её от себя.

Аля смотрела в окно, а он смотрел на неё, ничего больше не замечая. Поэтому, когда она встрепелулась и сказала, что пора выходить, для него это стало досадной неожиданностью. Сам бы он так и ехал рядом с ней долго-долго, весь вечер, всю ночь...

Они вышли на остановке возле коттеджного посёлка.

– Дальше пойдём пешком, – предупредила Аля.

– Далеко? – спросил он, хотя ему совершенно было это не интересно. Его больше беспокоило, что с приходом вечера похолодало, и стала ощущаться пронизывающая осенняя сырость. Он беспокоился, что в тонком пальто Аля замёрзнет, а в туфлях устанет идти далеко.

Но ничего этого, конечно же, ей не сказал, молча направился следом, когда Аля решительно зашагала по асфальтированной узкой дорожке по направлению к виднеющимся вдали роскошным двух и трёхэтажным кирпичным коттеджам.

– Это ведь элитный район, – всматриваясь вдаль, туда, где над крышами уютных коттеджей стелются чернильные сумерки, с удивлением в голосе произнёс Ильяс, – Я здесь живу?

– Да, – всё так же немногословно ответила Аля. Он шёл рядом, но чуть позади, потому что она его вела, показывала ему путь. И он даже намеренно замедлял шаги, любуясь её безупречно стройными ножками с изящными щиколотками идеальной формы. Короткое пальто и туфли позволяли ему разглядывать её ноги. Он смотрел не по сторонам, хотя должен был бы изучать местность, смотрел, как она идёт, любуясь её лёгкой походкой, но не осмеливаясь больше притронуться, хотя очень хотелось. И хоть что-то начало проясняться в полном вакууме его жизни, он продолжал ощущать смутную тревогу.

Прошло около двадцати минут, когда они остановились возле роскошного двухэтажного особняка, обнесённого высоким и надёжным забором. Ворота оказались закрыты.

– В доме никого нет? – уточнил Ильяс, хотя уже знал ответ. Аля кивнула, немного помолчала и с огорчением в голосе сказала:

– В дом не сможем попасть? Придётся вызывать кого-то, чтобы взломали замки?

Недолго думая, Ильяс позвонил в ворота соседнего дома. Раздался лай собаки, потом послышался голос:

– Сейчас, подождите, открою!

Лязгнули тяжёлые ворота, и на пороге появилась пожилая женщина, одетая в белый спортивный костюм. Аккуратная причёска, лёгкий макияж, маникюр, домашние мягкие туфли с каблукчком – всё говорило об ухоженности и до-

статке. Женщина широко улыбнулась, всплеснула руками и вдруг неожиданно для Ильясa обняла его за плечи.

– Ильяс! Нашёлся! Наконец-то! А я не верила, что ты погиб. Когда тело Тагира нашли, а твоё нет, я сразу сказала, что ты жив.

Ильяс осторожно высвободился и виновато улыбнулся.

– Я тоже искренне рад вас видеть, хоть и ничего не помню, – смущаясь, произнёс он.

– Не помнишь? – удивилась женщина, её тонкие как ниточки накрашенные брови поползли вверх, – Как не помнишь...

– После аварии я потерял память, поэтому меня так долго не было. И я не мог сразу вернуться.

Женщина взглянула на Алю, которая стояла чуть поодаль и молча слушала их разговор.

– Это вы его нашли, да? – уточнила соседка Тагаевых.

– Да, – ответил за девушку Ильяс, – Меня нашла Аля и привела домой. Но у нас нет ключа...

– Ах да, конечно! – спохватилась женщина, – Сейчас... У меня есть все ключи. Когда с вами случилась авария, повар, горничная и охранник ещё ждали вашего появления, Ильяс. Но через неделю после похорон ко мне пришла ваша горничная Аня, отдала все ключи и сказала, что вся прислуга покидает особняк. Вы не беспокойтесь, я за ними всё проверила. Они ничего не взяли.

– Спасибо вам... Извините, хочу вас по имени назвать, но

не помню.

– Вера Степановна я... – бесхитростно улыбнулась соседка, – Живу здесь почти одна, за домом сына и невестки присматриваю. Они ко мне внуков на выходные и каникулы подбрасывают. Так что заходите в любое время ко мне.

– Спасибо, Вера Степановна, – ещё раз поблагодарил Ильяс, забирая связку ключей, – И вы, если нужно что будет, приходите к нам.

– Да, это конечно, – снова улыбнулась женщина.

После того, как они распрощались и Вера Степановна задвинула за собой большую металлическую дверь, Ильяс безошибочно выбрал в связке ключ и открыл им тяжёлые ворота. И вдруг заметил, что сделал это привычным движением, заранее зная, что тяжёлый массивный ключ в замочной скважине нужно провернуть два раза. Конечно, многие замки отпираются так, но ключи-то он не подбирал, а пальцы сами взяли тот, который нужен! Он раздвинул ворота и вошёл во двор. Дорожки из каменных резных плиток оказались засыпаны опавшими и уже пожухлыми листьями. Почерневшие от первого заморозка георгины и астры на клумбах, довольно большой гараж, за ним небольшой парк из хвойных деревьев – всё это Ильяс оглядел внимательным, впитывающим каждую незначительную мелочь, взглядом. Так же легко он открыл двери дома, зашёл внутрь, по привычки разулся, стянув с ног тесные старые кеды. Он прошёл в просторный холл, затем в гостиную, обеденный зал и кухню. Везде

царили тишина, сумрак, на мебели из дорогих пород дерева слой пыли, но все предметы аккуратно расставлены на своих местах – свечи в серебряных подсвечниках на каминной полке, большие напольные вазы, идеально-белая скатерть на большом овальном столе в обеденном зале, картины в тяжёлых позолоченных рамах, мягкий ворс персидского ковра.

– Аля, ты знаешь, где моя комната? – обратился Ильяс к девушке, которая молча следовала за ним из комнаты в комнату.

– Да, – кратко ответила она и повела его на второй этаж. Они поднялись по широкой деревянной лестнице с лакированными перилами и витиеватыми чугунными балясинами, прошли по длинному коридору, пол которого застелен бежевым ковром. Свет не включали, в сумерках ещё хорошо виднелись очертания предметов, но от этого дом казался призрачным, таинственным, живым.

Аля остановилась возле одной из дверей. Ильяс отворил её и вошёл. Первое что он сделал, привычным жестом дотянулся до выключателя и включил свет. Люстра над потолком осветила комнату мягким желтоватым светом. Ильяс провёл взглядом по комнате и подошёл к платяному шкафу, открыл дверцу. Молодой мужчина испытал что-то похожее на шок, когда увидел, что все полки забиты одеждой, на плечиках аккуратно висят костюмы и рубашки, внизу стоят бесчисленные пары обуви.

– Вот это да... – потрясённо произнёс он, прикрыл двер-

цы шкафа и приблизился к столу. Столешница из красного дерева, покрытая лаком, была пуста, но Ильяс отодвинул выдвижной ящик в столе и обнаружил паспорт, водительские права, банковскую карту, другие свои документы и полностью разряженный сотовый телефон и ключи с брелоком, на котором изображена эмблема в виде овала с шестью звёздами внутри – одной большой и пятью маленькими. «Скопление звёзд в созвездии тельца», – машинально заметил он и открыл паспорт. Ильяс увидел в нём свою фотографию. «Да, это мой паспорт!», – убедился молодой мужчина.

– Аля... – задумчиво произнёс Ильяс, разглядывая водительские права, – Я был за рулём, когда случилась авария. И она произошла очень далеко от дома. Почему я с собой не взял водительские права? Ни паспорта, ни телефона, ни денег? Ничего не взял?

– Не знаю... – Аля, всё это время стоявшая возле двери неподвижно и наблюдающая за ним, настороженно взглянула ему в глаза, – Это странно, Ильяс. И на тебя не похоже. Ты всегда держал права в бардачке.

– Да, это странно... – тихо произнёс мужчина.

Он положил права в стол и задвинул ящичек, подошёл к аккуратно заправленной кровати, провёл ладонью по тяжёлому гладкому одеялу и услышал напряжённый голос Али:

– Ты осматривайся, а я домой поеду. Поздно уже.

– Подожди, Аля, – Ильяс развернулся к девушке, – Действительно поздно. Давай я тебе такси вызову, а лучше оста-

вайся здесь. Столько комнат, выбирай любую. Хочешь, я тебе свою комнату отдам, а сам другую найду. Примешь ванну, отдохнёшь, поесть что-нибудь закажем. Не уходи, пожалуйста, Аля.

– Нет! Ненавижу этот дом, – резко произнесла Аля. И было в её взгляде столько отчаяния, что Ильяс не посмел настаивать.

– Хорошо, – быстро согласился Ильяс, – Слушай... Мы же во дворе гараж видели. Возможно, там есть машина. Пойдём, посмотрим.

Ильяс снова подошёл к столу, снова выдвинул ящичек и достал ключ с брелоком.

– Это же ключ от машины, – уверенно произнёс он, – «Субару». Авария произошла на «Гелендвагене»... Значит, в гараже должна быть ещё одна машина.

Аля настороженно взглянула в помрачневшее лицо Ильяса и с тревогой спросила:

– Ильяс... Что тебя сейчас насторожило? Да, у тебя была «Субару». Ты любил ездить именно на ней.

– Это и насторожило... – тихо произнёс Ильяс, задумчиво рассматривая брелок с эмблемой из шести звёзд в своих руках, – Поехал не на своей машине... К тому же «Гелендваген» это очень надёжный внедорожник, это одна из самых безопасных машин... И вдруг... такая авария. Не справился с управлением? Но я не был пьян, в крови не обнаружили ни алкоголя, ни наркотиков. Я был плохим водителем? Права я

купил, да?

– Нет, Ильяс, – возразила девушка, – Ты очень хороший водитель. Ты никогда не попадал в аварии, ты даже штрафы никогда не получал.

– Это точно? – с сомнением переспросил мужчина.

– Да, – уверенно ответила Аля.

– Ладно, пошли в гараж, посмотрим, что там, – решительно произнёс Ильяс, отгоняя тревожные мысли. Всё равно они сейчас ничего не дадут, только голова снова заболит от напряжения.

Они спустились на первый этаж, прошли в холл. Ильяс натянул ставшие уже привычными старые поношенные кеды и задержался, наблюдая, как Аля присела на корточки и стала застёгивать ремешок на туфле.

– Алечка, давай помогу, – не дожидаясь её отказа, он тоже присел на корточки и осторожно дотронулся до ремешка, одним движением ловких длинных пальцев вдвёл ремешок в металлическую петельку и застегнул, то же самое повторил с другой туфлей. Аля застыла неподвижно, ощущая лёгкие прикосновения его пальцев, чуть прикрыла глаза, её ресницы задрожали. Ильяс поднялся и протянул руку девушке. Аля приняла его руку, осторожно взяла его ладонь и поднялась. Прикасаюсь к девушке было так приятно...

– Пошли, – тихо произнёс он и уже уверенно направился в гараж.

Тяжёлые ворота отворились, ярко вспыхнул свет над са-

мой дверью, и молодой мужчина удивлённо присвистнул, увидев сверкающий чёрный роскошный мерседес «Майбах» и скромно примостившуюся рядом тёмно-синюю «Субару».

Он не ожидал увидеть два автомобиля, он сомневался даже, что гараж не пустой. Ильяс подошёл к «Субару», взволнованно оглядел, открыл салон.

– Это моя машина, – уверенно произнёс он.

– Ты вспомнил? – с надеждой в голосе спросила Аля и подошла к его машине.

– Нет. Я просто это знаю, что моя. Смотри, Аля, здесь есть место ещё для одной машины, для «Гелендвагена». Скорее всего, в тот день я был за рулём машины Тагира.

– Как ты оказался за рулём его машины? – настаивала Аля.

Ильяс прикрыл веки, замер на несколько секунд, потом встряхнул головой, открыл глаза и с отчаянием сказал:

– Нет. Ничего не помню.

Он сел на водительское место, провернул ключ зажигания, мотор заурчал. Ильяс посмотрел на загоревшиеся панели и с удивлением произнёс:

– Полный бак бензина... Садись, Аля, поедem.

Девушка села рядом, с опаской стала наблюдать за его действиями. Но Ильяс уверенно держал руль, переключил скорость на риверс и виртуозно обогнул загоротивший проход «Майбах», проехав в опасной близости от мерседеса, но даже его не задев.

По шоссе он тоже ехал уверенно, ловко обгонял, даже заранее притормозил там, где всегда была лужа. И Аля поняла, что и это он сделал неосознанно. Он знал, как управлять своей машиной, он её чувствовал, скорость переключал не глядя, притормаживал мягко и плавно. И девушка всё больше недоумевала, как на широкой прямой трассе в хорошую погоду при хорошем освещении в надёжном полностью исправном «Гелендвагене» он попал в такую чудовищную аварию.

Пока ехали до города, Ильяс ориентировался сам, но, оказавшись на городских улицах, спросил у Али дорогу.

– Где ты живёшь? – поинтересовался он.

– На съёмной квартире.

– Тебе есть чем платить за неё?

– Ты заплатил за год вперёд, – ответила девушка.

Он остановился во дворе и вышел из машины.

– Не надо меня провожать. Всё равно зайти не приглашу, – предупредила Аля.

– И не надо, – спокойно отозвался Ильяс, – В подъезде темно, до двери провожу.

И последовал за ней на третий этаж до самой двери квартиры. Уже на площадке перед дверью Аля спросила:

– Назад сможешь вернуться?

– Да, я всё запомнил. Я вообще очень внимательный. Стал таким после потери памяти, наверное.

– Нет. Ты всегда был очень внимательным к этому миру.

Ты писал картины, Ильяс.

– Да, я догадывался об этом. Я хочу всё изучить в доме, я уверен, подсказка есть в самом доме. Возможно, мне снова понадобится твоя помощь. Когда ты завтра сможешь со мной встретиться?

– Вечером после пяти я приду с занятий, – ответила Аля.

– Давай так. Утром я планирую поехать в банк, узнать о состоянии своих счетов, потом заеду в фирму Тагира. После семи вечера, думаю, освобожусь. Жди меня после семи, ладно?

– Хорошо, Ильяс.

Она провернула ключ в замке и зашла в коридор.

– Доброй ночи, Аля, – пожелал Ильяс и спустился по лестнице только после того, как девушка провернула ключ уже с другой стороны двери.

Первым делом он ставит на зарядку свой сотовый телефон, снова недоумевая, почему в тот день ничего с собой не взял – ни документов, ни денег, ни сотового... И это было странно, учитывая, что в современном мире никто с сотовыми телефонами не расстаётся ни на минуту. И вдруг страшная догадка заставила его похолодеть, по спине прошёлся озноб – он, что, знал, что всё это ему больше не понадобится?!.. На душе стало жутко. Тишина дома как-то сразу стала давящей, угнетающей. Он решил отвлечься, спустился на кухню, заварил кофе. Молока в холодильнике не было, по-

этому он насыпал в кружку сухих сливок из большого пакета в верхнем шкафчике над большой плитой. Пока кофе остывал, Ильяс снял с себя старую одежду с чужого плеча и встал под струи горячей воды. Боже... какое же это было наслаждение... Уставшее тело, давно не знавшее мытья (не считая таза холодной воды в нетопленной бане) расслабилось так, что Ильясу показалось, ещё чуть-чуть и он испытает настоящий оргазм. Душистое мыло, мочалка, шампунь с потрясающе тонким приятным ароматом – всё, что было ему недоступно долгие недели, сейчас он оценил сполна. Мылся он долго, не в силах заставить себя прервать это чувственное удовольствие. Потом брился, чистил зубы, сушил феном волосы. И все эти когда-то привычные действия делал с таким наслаждением, что не спешил, растягивая минуты.

Опоясавшись белым махровым полотенцем, он босиком проходит в свою комнату, раскрывает дверцы шкафа и с не менее острым наслаждением выбирает одежду – чистую, новую, свою... Он берёт белую футболку и трогает её, чувствует, какая мягкая под пальцами ткань, подносит к лицу и вдыхает. От вещей идёт слабый приятный аромат свежести с едва уловимыми цитрусовыми нотками. Наверно, какой-то очень хороший кондиционер для белья. Он надевает футболку, приятно-мягкие спортивные штаны и смотрит на себя в зеркало. Его вещи, идеально чистые, свежие, идеально сидящие на нём, придавали уверенности и вызвали чувство комфорта. Ему вдруг стало стыдно, что именно Аля увидела

его убого одетым, небритым, с немойтой головой. Хотя именно Аля ему ничего не сказала про его внешний вид. Или ей это совершенно безразлично, или она так взволнованна и расстроена, что ни на что не может обращать внимания.

Ильяс ещё раз бросил взгляд в зеркало, перед тем как вернуться на кухню. Казалось, его вещи даже были напитаны его энергией и сейчас давали ему силу. А, возможно, так на самом деле и было. Хотя к дому он, как ни странно, тёплых чувств не испытывал. Почему? Ведь это же его дом. Его родной дом. И Аля не захотела оставаться. Почему?

Он думал обо всём об этом, устроившись за столом на кухне, и задумчиво пил остывший кофе. Неужели здесь произошло что-то, что им обоим тяжело будет вспоминать... Аля... у него не было сомнений, что она его женщина. Да, он ничего не помнит, он не помнит, что чувствовал к ней. Но с первой секунды, как увидел её сегодня утром, ощутил к ней такую нежность, что в груди защемило. После того, как он пришёл в себя, он жил не разумом, от которого не ждал подсказок, а чувствами и ощущениями. Он доверял им. И при отсутствии памяти не мог положиться на логику, разум и здравый смысл. Ему оставалось только слушать свою интуицию, а она вела его безошибочно к Але. Когда он дотронулся до неё, такой рассерженной, колючей, нервной, его как током пронзило.

Ильяс выпил кофе, и почему-то ужасно захотелось есть. Да, он же после прихода Али и не ел ничего. Он разогрел

в микроволновке блинчики с мясом, которые обнаружил в морозилке, заварил чай. И с аппетитом поел.

После снова продолжил исследовать дом. Кабинет Тагира он узнал сразу. Массивная мебель, тяжёлые, не пропускающие свет портьеры, антикварного вида шкаф, забитый папками. Разобраться во всём потребуется много времени. Ильяс пока не стал задерживаться в кабинете, продолжил осматривать дом. Он побывал во всех комнатах первого этажа, включая кладовые для съестных припасов и для инвентаря садовника. Он поочерёдно открывал двери комнат на втором этаже и заходил в них. И вот здесь его ждал сюрприз. Двери всех комнат были не заперты, и Ильяс беспрепятственно их осматривал, но не обнаруживал ничего странного. Всё, как обычно, спальни, ещё одна гостиная и тренажёрный зал, но вот одна комната, самая крайняя слева, оказалась заперта. Ильяс постарался подобрать ключ в увесистой тяжёлой связке ключей, которые вручила ему Вера Степановна, но ни один из многочисленных ключей не подошёл к замку. Это насторожило Ильяса, но он решил пока оставить эту комнату. Если не найдутся ключи, дверь можно будет открыть другим способом, сломав замок. Ильяс поднялся на мансарду. И вот тут его ждало самое интересное. Ещё поднимаясь по узкой ступеньке и вдыхая уже прохладный воздух, он ощутил запах красок. Такой родной, такой любимый запах... Перепрыгивая через две ступеньки от нетерпения, Ильяс забежал на мансарду, включил свет и замер. Нет,

это не было чувства восторга, это было чувство такой радости, что дыхание перехватило. И в одну секунду он понял, что, наконец-то, в это мгновение он нашёл себя, себя самого. Вдоль стен стояли холсты. Некоторые картины были закончены, на других можно различить только наброски, некоторые закрыты тканью. Ильяс подходил к каждой картине, долго рассматривал, любовно трогал дрожащими пальцами, на его лице всё это время оставалась лёгкая улыбка. Он брал в руки тюбики и флаконы с краской, кисти, палитру, вдыхал запах пыли, растворителей и масляных красок. Неизвестно, сколько времени он бы провёл в мансарде и уже даже хотел взять в руки кисть и подойти с ней к чистому холсту, как вспомнил, что обещал Але. И это его отрезвило. Тяжело и с сожалением вздохнув, Ильяс выключает свет и спускается с мансарды вниз. Он ещё немного блуждает вокруг дома, пытается открыть дверь подвала, но она тоже оказывается закрыта, и от неё тоже не находится ключей в связке. Ильяс возвращается в дом и до пяти утра лихорадочно разбирает содержимое стола и шкафа, просматривает документы и обнаруживает закрытый сейф. «Надо будет вызвать мастера и открыть сейф», – решает Ильяс. К большому разочарованию, ничего ценного для себя он не обнаружил, кроме номера телефона адвоката фирмы Тагира.

Ильяс решил позвонить адвокату сразу же, как только станет утреннее время, когда уже удобно делать звонки, и попросить о встрече. Он уже отчаялся в своих попытках найти

что-либо, что поможет им с Алей, как вдруг на самой верхней полке массивного дубового шкафа пальцы почувствовали что-то гладкое, тонкое. Ильяс приподнялся на цыпочки, пытаясь заглянуть выше, и обнаружил вложенный в папку зелёный лист документа. Он достал папку и открыл её, лист выпал из папки на ковёр. Ильяс наклонился и дрожащими пальцами поднял его. Это оказалось свидетельство о рождении. «Тагаев Альмир Тагирович», – взволнованно прочитал Ильяс и посмотрел на дату рождения. Она была напечатана два месяца назад! Голова закружилась, в глазах запрыгали чёрные мелкие точки. Ильяс снова сел на ковёр, тяжело вдохнул, пытаясь справиться с неровным дыханием. Это его сын! Его. Ильяса. Так почему же отчество не его? Ильяс несколько раз моргнул, пытаясь избавиться от мушек, и принялся снова разглядывать документ. В графе мать написано: «Напольская Алевтина Сергеевна». Отец «Тагаев Тагир Амирович».

Но... почему?! Аля же сказала, что это его ребёнок, его сын. Тогда почему отец не он, Ильяс, а Тагир?

Ладно... об этом он спросит Алю вечером, уже пять утра, и нужно хотя бы часа три поспать. Новый день обещает быть долгим и трудным. Перед тем, как лечь в постель, Ильяс вспомнил о своём сотовом телефоне, который мигал зелёным огоньком в темноте. Значит, зарядился. Ильяс провёл пальцем по экрану, хорошо, что в блокировке стоял не пароль, который Ильяс бы не вспомнил, а отпечаток его паль-

ца. На экране в заставке появилось лицо Али, Ильяс удовлетворённо улыбнулся. Да, он и в прошлой жизни любил эту женщину. Он снова удивился своим мыслям, как будто то, что было до потери памяти, воспринималось его сознанием как прошлая жизнь.

– Да, малышка, так и есть. Я искал тебя тысячу лет, – тихо произнёс он в темноту, с нежностью разглядывая фото Али. Очень красивое, кстати, фото, сделанное с любовью. Аля стояла в парке возле ели, пушистые ветви которой сгибались под тяжестью снега. Светлые волосы распущены, а в них золотой свет заходящего солнца. Это освещение называется золотой час, вдруг вспомнилось ему из ниоткуда. Красиво. Очень. Такой снимок мог сделать только любящий мужчина. Значит, она всегда была с ним, в его сердце, душе, в его телефоне. Ильяс с трудом закрывает её фото и начинает просматривать контакты. Но, кроме имён – Тагир, Эльмира, Аля, других абонентов не знал, хотя их было много, очень. Но всё больше мужские имена. Просмотрел переписку в смс и социальных сетях, но все сообщения были удалены. Вероятно, это сделал он сам заранее. И тоже это очень, очень странно, как будто он не хотел оставлять следов после себя.

Ильяс заметил, что деньги за услуги связи переводятся с его номера через банк автоматически, поэтому даже сейчас он на связи. Он открыл интернет, набрал в поисковике информацию о Тагире Тагаеве. Интернет выдал несколько статей, касающихся бизнеса и нескольких благотворительных

мероприятий, на которых присутствовал Тагир или спонсировал их. Ничего конкретного, кроме того, что Ильяс узнал, как выглядел его родственник. Высокий мужчина сорока с небольшим лет, правильные и красивые черты лица, черные большие глаза, большой чувственный рот, прямой нос, волосы чёрные как смоль и кудрявые. Видно, что под белоснежной рубашкой выделяются твёрдые мускулы. На одном снимке он стоит с бокалом шампанского, на его руке два золотых перстня, один с насыщенного цвета синим сапфиром, другой кровавый рубин. Через вторую руку небрежно перекинут серый пиджак. Брюки из серой тонкой ткани идеально на нём сидят, в приоткрытом вороте рубашки виднеется толстая золотая цепь. Туфли из натуральной мягкой светло-коричневой кожи, лёгкая щетина на лице. Роскошный богатый мужчина, смуглый, похож на итальянского актёра. Да, красивый у него родственник. Ильяс на него, кстати, похож. Очень. Ладно, хотя бы что-то узнал. Его жизнь возвращается к нему, медленно и постепенно, но возвращается, он теперь не в пугающем вакууме как раньше. Вместе с возвращением прошлой жизни, хотя правильнее было бы сказать прежней жизни, к нему возвратилась и ответственность за бизнес, за дом, но самое главное – за Алё и их маленького пропавшего сына. Ильяс был счастлив, что именно эта часть жизни сегодня вернулась к нему. Это было счастье с привкусов горечи, но это было намного лучше растерянности и незнания себя.

Поспать всё же удалось два с половиной часа. Уже в пол-

восьмого Ильяс звонил адвокату Виктору Ароновичу и договаривался с ним о встрече. И только после этого принял душ, выпил кофе, надел чёрную брендовую футболку, серые джинсы, идеально севшие на его фигуру, накинул чёрную кожаную куртку и (какое счастье!) надел свои по размеру ботинки, мягкие, удобные, не жмущие ступню, сел в машину и поехал в город, пользуясь навигатором.

В банке вести оказались неутешительными. Все счета арестованы, и только на личном счету Ильяса была небольшая денежная сумма, которой хватит, чтобы скромно прожить месяца два или три. Разговор с адвокатом Виктором Ароновичем Кушником только подтвердил плачевное состояние дел.

– Работников пришлось уволить, штат сократить до минимума. Все счета ушли на погашения займов. Фирму нужно официально признавать банкротом. Я ждал вас, Ильяс Ринатович, нужно начинать эту процедуру. Дальше тянуть просто нельзя.

– Да, конечно, – пребывая в лёгком шоке, отвечает молодой мужчина, – Я сделаю всё, что от меня требуется. А что послужило причиной банкротства? Такой большой, хорошо налаженный бизнес...

– Четыре месяца назад сгорели склады и ангар, куда пришла большая партия машин из Японии. Тагир Амирович как-то выкрутился тогда, ему пришлось взять кредит для новой партии товара, но, когда прибыл товар, его постигла та

же учесть.

– Снова пожар? – уточнил Ильяс.

– Да, кто-то намеренно поджёг снова. Первый раз тоже был поджог. Это конкуренты.

Какая-то смутная тревога охватила Ильяса.

– Ему угрожали?

– В том-то и дело, что никак себя не проявляли. Я не знаю подробностей, Ильяс Ринатович. Тагир Амирович сам разбирался с этой проблемой, помощи у меня не просил.

– Понятно, – произнёс Ильяс, хотя ему было вообще ничего не понятно.

Оказалось, что платить за дом станет для Ильяса очень большой тратой. И он понял, что дом нужно будет продавать. Но пока он не спешил этого делать. «Пока не найду сына, дом продавать нельзя», – решил Ильяс. Он всё ещё надеялся, что найдёт в доме подсказку.

С такими неутешительными вестями он отправился вечером к Але. Девушка оказалась дома не одна, но её соседка тактично ушла в другую комнату и плотно прикрыла дверь. Ильяс прошёлся по маленькой уютной гостиной, зашёл в кухню и сел возле окна. Он чувствовал, что ему тут, в этом пространстве, нравится, ощущал тепло и уют, и уходить не хотелось.

Аля провела по нему внимательным взглядом непроницаемых светлых глаз. Да, она заметила, что он снова стильно одет, побрит и даже прежняя самоуверенность вернулась к

нему. И вмиг сникла, он вчерашний, небритый, в простой поношенной одежде и немного потерянный, нравился ей намного больше Ильясa сегодняшнего, так ставшего похожим на себя прежнего, дерзкого и самоуверенного.

– Ты всегда занимал это место, когда приходил, – с подозрением в голосе заметила она.

– Да? – Ильяс даже не удивился, – Я здесь часто бывал?

– Да, часто, – сдержанно ответила Аля и отвернулась к окну. Стояла напряжённо, вглядываясь в темнеющие тени от деревьев во дворе. Ильяс поднялся, подошёл и дотронулся до худых девичьих плеч.

– Мне здесь было хорошо, я это чувствую.

Аля поёжилась, напряглась, продолжала стоять молча и неподвижно. Тогда Ильяс отошёл, достал папку и вынул из неё тонкий лист.

– Вот всё, что мне удалось найти прошлой ночью, – произнёс он.

Аля резко повернулась, взяла из его рук свидетельство о рождении, опустила на стул и несколько долгих секунд изучала его.

– Аля, объясни. Я не пойму. Почему в свидетельстве о рождении отцом записан Тагир? Ты же говорила, что отец Альмира я.

– Алексея, – быстро исправила она и продолжила с горечью, от которой у Ильясa сжалось что-то в груди, – Я хотела назвать сына Алексеем, но мне даже этого не позволили.

– Хорошо, Алексей. Нашего сына зовут Алексеем, – согласился Ильяс, присел рядом, погладил девушку по дрожащей руке, – Аля... Алечка... Пойми, чем больше ты мне расскажешь, тем быстрее я найду нашего сына.

– А если... его уже нет в живых? – глаза Али наполнились слезами, губы задрожали. Она не могла справиться с начинающейся истерикой, – Что, если с ним что-то случилось?! А я ничем не смогла помочь ему...

– Он жив, Алечка, – с уверенностью произнёс Ильяс, – Расскажи мне, ответь на мои вопросы. Что случилось с нами?

– Нет. Не скажу. Сам вспомнишь, если захочешь, – упрямо ответила Аля.

Ильяс тяжело вздохнул и терпеливо продолжил, как будто разговаривает с маленьким неразумным ребёнком:

– Ты сейчас увеличиваешь время моих поисков, Аля. Я хочу обратиться в полицию.

– Нет! Не делай этого, Ильяс! Нет! – не сдерживая истеричных высоких нот, очень эмоционально и отчаянно стала возражать девушка.

– Но почему? Аля, ты хочешь, чтобы я нашёл нашего сына, но не хочешь мне в этом помочь, почему?

Аля опустила взгляд, схватила со стола салфетку и нервно смяла её в кулачке, её губы дрожали, но она заставила себя произнести сиплым глухим голосом:

– У нас был контракт. Ты и твой дядя Тагир обманом за-

ставили меня подписать его.

– Какой контракт? – терпеливо, но настойчиво спрашивает молодой мужчина.

– О суррогатном материнстве. Вы заплатили мне деньги за это. Когда я хотела расторгнуть контракт, то вы не позволили мне этого сделать. А после рождения ребёнка, Тагир забрал его сразу же, в больнице. Я только один раз кормила его... Только один раз видела! Я ничего не знаю о нём. Как он себя чувствует? Не болит ли животик, не прорезаются ли зубки... Кто о нём сейчас заботится? Баюкает ли его кто ночами, когда он плачет. Мне постоянно снится плач моего сына... Я слышу его каждую ночь... – глухие отчаянные рыдания не дали говорить дальше. Аля захлебнулась в отчаянных, горьких и безутешных слезах.

Ильяс крепко прижал к себе бьющуюся в истерике Алю и стал успокаивать, укачивать как маленького ребёнка. «Сколько боли ей пришлось пережить. По моей вине», – с отчаянием и горечью думал он, слушая её рыдания, остро ранящие его в самую душу, а вслух не мог ничего сказать, не мог найти слов, чтобы утешить. Наконец он смог произнести, и голос его прозвучал на удивление уверенно, твёрдо:

– Когда мы найдём нашего сына, то перделаем свидетельство о рождении. В графе отцовства должно стоять моё имя.

Аля подняла заплаканное лицо, нетерпеливо потребовала:

– Найди его! Ильяс, умоляю, найди его...

– Обязательно. По-другому и быть не может, – уверенно пообещал мужчина, – Он жив, я знаю. Я уверен даже, что с ним всё более-менее хорошо, потому что человек, которому по каким-то причинам нужен был наш ребёнок, первым делом позаботится о его безопасности. Он пристроил его туда, где безопасно, поверь мне, Алечка. По детским домам искать нет смысла. Это может быть частный пансион.

Аля подняла опухшие заплаканные глаза и с надеждой взглянула на мужчину.

– Если ты вернёшь мне сына, Ильяс, я сделаю для тебя всё... всё, что потребуешь, – с отчаянием пообещала она.

– Не надо, Аля, – Ильяс заботливым, каким-то даже отеческим жестом пригладил растрепавшиеся пряди волос девушки, – Ты мне ничего не будешь должна. Это я тебе должен. И я исправлю всё, что успел совершить. А сейчас отдыхай, выпей успокоительное и ложись спать. Мне сходить в аптеку?

– Нет, у меня есть успокоительные капли.

– Прими их и ложись. И знай, что я ищу нашего сына, Аля, не бездействую. Когда я найду нашего сына, ты должна быть в хорошей форме, чтобы заботиться о нём, поэтому не позволяй себе падать духом, отчаиваться. Обещай мне, моя девочка, больше не плакать.

Он вытирает её слёзы горячей сильной ладонью, Аля на миг, всего лишь на одно мгновение, прижимается щекой к его большой ладони, но тут же сразу отстраняется. Он хочет

прикоснуться губами к её мокрым щекам, высушить слёзы поцелуями, но не делает этого, отстраняется и направляется к двери, обувает ботинки, накидывает на плечи куртку и уходит.

Домой он возвращается усталым и подавленным. Большой дом встречает его тёмными окнами, чернильные сумерки сгустились, тучи скрыли луну. Ильяс затворил тяжёлые ворота на замок, закрыл и гараж, перед этим бросив взгляд на машины, невольно полюбовавшись ими. Скоро он не сможет содержать два автомобиля, «Майбах» придётся продать. Но это потом, он не хочет думать об этом сейчас...

Ильяс идёт по дорожке, так и не разметённой от листьев, и в темноте поскальзывается и наступает в лужу.

– Чёрт... – шипит молодой мужчина и чувствует, как правый ботинок промок.

Зайдя в дом, он первым делом включает свет в холле и коридоре, а потом стягивает с ног мокрую обувь. Пока ботинки просохнут, нужно найти им замену на завтра. Ильяс поднимается в свою комнату, открывает шкаф и задумчиво выбирает обувь. Пожалуй, в ботинках было сегодня жарко, надо надеть туфли или кеды. Он садится на корточки и перебирает коробки с обувью, поочерёдно открывает их и рассматривает. Оказывается, он любил хорошую добротную обувь. Ильяс решает пересмотреть всё, что у него имеется, прежде чем решить, что надеть завтра. Но в одной из коро-

бок рядом с тёмно-коричневыми лакированными туфлями замечает два ключа в связке, один покрыт красной краской, а второй – чёрной. Это ему кажется странным, но интуитивно он уже знает, какие двери открывают эти ключи. Он берёт их в руки, чувствуя, что его пальцы при этом как-то необычно нервно подрагивают, поднимается на ноги и, оставив раскрытые коробки с обувью на полу возле шкафа, выходит из комнаты. Он идёт по тускло освещённому коридору до самого конца, останавливается возле последней двери налево, вставляет красный ключ в скважину. Ключ легко проникает в замок, все его рёбра идеально совпадают с выемками замочной скважины. Два поворота ключа, и дверь медленно отпирается...

Молодой мужчина привычно протягивает руку к выключателю, нажимает на него, холодно-синеватый мертвенный свет вспыхивает и освещает комнату тусклым светом. Ильяс обводит освещённое пространство комнаты внимательным взглядом, который становится недоумённым, непонимающим. Зрачки его расширяются, а дыхание застывает в груди. Что это... Что?

Он несмело проходит внутрь, окидывая тревожным взглядом то, что эту комнату наполняет. Воздух становится тяжёлым, плотным, а тишина – давящей. Ильясу кажется, что он попал в камеру пыток. Взгляд его мечется на сооружениях, о значение которых он лишь смутно догадывается.

В центре большой комнаты возвышается металлическая

конструкция, напоминающая стул на ножках с трубками, к одной из которых прикреплена резиновая помпа, длинная трубка с надетым на неё резиновым фаллоимитатором, и выглядит эта конструкция жутко.

Сразу за этой непонятной металлической конструкцией располагается ложе в форме креста, к нему ниспадают прикреплённые на потолок ржавые толстые цепи, а на самом ложе, обтянутом красной кожей, прикреплены ремни для фиксации. Далее, в левом углу комнаты, располагается гинекологическое кресло, а в противоположном углу – ванная, наполненная водой. На стене закреплены ужасающего вида железные крюки, с них свисают ошейники, ремни и цепи, рядом на полу лежит деревянная колодка для фиксации ног и ещё одна, намного больше первой, с отверстием посередине для фиксации головы, когда жертва стоит на коленях.

На противоположной стене висят многочисленные и разнообразные приспособлений для порки: плети различной длины, с металлическими шариками и с шипами, прутья и петли. Из стены выдвигаются ящички, в них какие-то страшные приспособления, похожие на орудия пыток: на нож на длинной ручке, только вместо лезвия на нём крутящийся диск со стальными иглами, кляпы, металлические зажимы, наручники.

Ильяс пятится к выходу, не в силах подумать что-либо существенное, конкретное, его сознание отгоняет мысли, не хочет анализировать увиденное. С тяжело бьющимся серд-

цем Ильяс спускается в холл, подходит ко входу в подвальное помещение. Хотя, может, лучше не открывать? Но он должен осмотреть всё. В этот раз пальцы не слушаются, белый ключ в замке проворачивается не сразу, дважды выпадает из рук. Ильяс медленно открывает тяжёлую дверь подвала, включает свет и видит мрачное пыльное помещение, воздух здесь уже ощутимо спёртый, но главное в этом месте продолжение того кошмара, который окружил его в комнате наверху. Какие-то нелепые и очень громоздкие приспособления средневековых пыток заполнили пространство подвала с низкими каменными стенами, от которых шёл холод. Посередине стояла клетка, рядом что-то жуткое для фиксации тела человека в немыслимой мучительной позе.

Ильяс не может пройти дальше, его сознание отказывается воспринимать увиденное. В висках больно стучит кровь, в затылке сдавливает чудовищной болью. Ильяс сползает на пол, ударяясь о холодную каменную стену, крепко сжимает виски ладонями, закрывает глаза и рвано дышит. В голове бьёт набатом только одна мысль: «Неужели... это всё моё?! Кто я? Чудовище?» Он что-то страшное делал здесь с Алей и с другими женщинами?

Тело бьёт дрожь, ноги сводит судорогой, он не может подняться и покинуть это страшное место. «Неужели это всё – я?», – потрясённо думает он. Не хочет верить, не может, но связка ключей, найденная в его комнате, в его шкафу, в его коробке с его обувью, безжалостно указывала на него.

# Часть первая

## Глава первая. Аля

*Синий – такой сильный,  
такой холодный и одинокий цвет,  
он пленяет нас.  
«Записки дождя»*

*«Эти замечательные глаза цвета дождя...»  
«Мемуары гейши» (Memoirs of Geisha)*

День не задался с самого утра. Всё началось с пронзительной трели будильника, который разрывал упоительно-нежную мягкую тишину надрывным истеричным звоном. Аля нащупала в темноте металлическую кнопку на старом будильнике и нажала на неё. Звон прекратился, и снова наступила сладостная тишина. Но она уже не была дремотно-тягучей, потому что хочешь – не хочешь, а надо вставать. Пока Аля расчёсывала длинные спутанные волосы, на плиту из кофеварки сбежал кофе, а чашка выпала из суетливых рук Али, но к счастью, не разбилась, с глухим стуком откатилась по мягкому ворсу ковра под стол.

Потом Аля чуть не опоздала на автобус, но успела-таки в самый последний момент, когда водитель уже закрывал двери. Заметив красивую, спешащую успеть на автобус девушку, молодой водитель снова нажал на кнопку, и двери с жалобным лязгом снова широко раскрылись. Аля запрыгнула

на ступеньку, рискуя сломать каблук новой туфельки, благодарно улыбнулась водителю. Мест свободных в салоне не оказалось. Аля пристроилась возле окна, держась за поручни, и бросила взгляд на наручные часы. Время неумолимо приближалось к восьми, через двадцать минут начнётся первая лекция, на которую она никак не должна опоздать! Студенты-старшекурсники поговаривали, что её читает старый вредный профессор и педантично отмечает всех, кого нет на его лекции. И потом на зачёте смотрит пропуски, и если студент хоть один раз пропустил лекцию по экономике, то зачёт не сдаст, профессор заставит бедолагу ходить на зачёт снова и снова.

На переезде из микрорайона к железнодорожному вокзалу образовался затор из машин, и автобус безнадёжно встал в пробку. А когда, минут через десять (мучительно-медленных минут) всё-таки двинулся с места, то продвигался очень медленно.

На лекцию Аля всё-таки опоздала. Она отчаянно неслась по уже пустым и гулким коридорам университета, но на лестнице споткнулась, упала, проехала коленкой по ступенькам, взвизгнула от боли и огорчённо прикусила нижнюю губу, заметив, что разорвала новые колготки. Но каблук туфли каким-то чудом всё же не сломала. Пришлось возвращаться на первый этаж, где находился туалет и переодевать колготки. Хорошо, что в сумочки Али всегда имелась запасная пара колготок. Выйдя из туалета в новых колготках, чуть не плача

от досады и обиды на это утро, оказавшееся таким никчёмным и суетливым, Аля поплелась в аудиторию «504Б», вспоминая, что первая цифра аудитории означает этаж, а буква – корпус.

Лекция шла уже минут пятнадцать, когда Аля осторожно приоткрыла тяжёлую дверь и робко заглянула во внутрь аудитории. Сквозь большие старинные окна в тяжёлых деревянных рамах лился яркий солнечный свет, студенты, склонив головы над тетрадами, сосредоточенно записывали конспекты, а за кафедрой стоял преподаватель, одетый в бежевый свитер и светлые брюки и оказавшийся вовсе не старым и по виду не злым.

– Извините... – смущённо пролепетала девушка, боясь помешать лектору и чувствуя предательский румянец на щеках. Вот всегда так – от того, что она блондинка со светлой кожей, её лицо часто и быстро краснее невпопад, выдавая все её эмоции.

Профессор лишь на секунду обернулся в её сторону, благосклонно кивнул и снова продолжил читать лекцию. Аля осторожно прошла, обводя взглядом лекционную и пытаясь найти свободное место в возвышающемся амфитеатре, заполненной незнакомыми ей студентами. Девушка не стала подниматься по ступенькам, скромно присела на первое же свободное место с краю в первом ряду, который был наполовину пуст. Места, где студенты сидели плотными рядами, находились на самом верху амфитеатра.

Аля осторожно достала из чёрной кожаной сумочки, похожей на школьный портфель, ручку и тетрадку и принялась записывать то, что говорил профессор. Голос его звучал громко и раскатисто, так, что доходил до самых последних рядов. Но уже минуты через три Аля вдруг в панике поняла, что лекция совсем не по экономике, а по какому-то непонятному ей разделу физики, скорее всего ядерной. К тому же лектор принялся чёткими и быстрыми движениями, поскрипывая мелом, писать какие-то длинные формулы на чёрной доске. Аля с недоумением обвела взглядом аудиторию и заметила, что все студенты, не считая полноватой девушки в больших очках, сидящей прямо напротив профессора, оказались парнями, которые, к тому же выглядят старше первокурсников. Нехорошее подозрение закралось в её сознание, когда она, чуть повернувшись, шепотом обратилась к ближайшему соседу, серьёзному худому парню в очках.

– Извините, какой это курс?

– Пятый, – ответил парень, отвлечённый от конспекта, и внимательно посмотрел на Алю, – Что, ошиблась аудитории? Первокурсница?

– Да, – Аля снова почувствовала, что краснеет, – Мне нужна была аудитория «504Б».

– Это «504А». Ты перепутала корпуса. Корпус «Б» в левом крыле, охотно и доброжелательно объяснил сосед по парте.

Аля подняла руку, пытаясь привлечь внимание препода-

вателя.

– Извините, пожалуйста, – произнесла она, дождавшись паузы в речи преподавателя, – Кажется, я перепутала аудитории.

Профессор посмотрел на неё теперь уже досадливо, и Аля поторопилась убрать тетрадку и ручку в сумочку и встала с места. Она осторожно, стараясь быть бесшумной, пробиралась к двери, чувствуя спиной любопытные взгляды парней-студентов и слыша их оживлённые перешёптывания. До неё донеслось сказанное приглушённым шёпотом:

– Ничё так, девочка, зачётная.

И уже другая реплика из самых последних рядов – послышался уже не осторожный шёпот, а вполне громкий и наглый голос:

– Куда же ты, красивая? Оставайся. Не понравилось с нами что ли?

Последовавший за этой фразой дружный гогот парней с последних верхних рядов заставил Алю выбежать из аудитории.

Девушка остановилась только на лестнице, прижала к пылающим щекам ладонь и глубоко вздохнула. Сумбурное невезучее утро уверенно переходило в такой же полный неприятностей злополучный день. Но долго размышлять о нелепой ситуации, в которую она попала из-за своей невнимательности и спешки, времени не оставалось. Аля с досадой взглянула на часы – она пропустила уже двадцать пять

минут своей лекции по экономике.

Когда Але удалось найти нужную аудиторию, то прошло уже полчаса лекции. Седовласый тучный преподаватель, монументально и важно возвышавшийся за кафедрой, с явным пренебрежением на её робкое «Извините. Можно?», сердито изрёк хриплым дребезжащим голосом:

– Могли бы и вовсе не приходиться.

Аля, в который раз за утро краснея, юркнула в угол самой крайней от двери парты, раскрыла тетрадь и склонилась над конспектом, и до самого звонка так и не осмелилась поднять голову и взглянуть на нудно и громко вещающего лекцию профессора.

«Всё, я пропала. Он меня запомнил, потом на зачёте отыграется», – с горечью подумала Аля, на ватных ногах выходя из аудитории вслед за своими однокурсниками. В коридоре её настигла подружка Лерка.

– Ты чего опоздала? – поинтересовалась она.

– Аудитории попутала, – с досадой в голосе ответила Аля, – Забрела к старшекурсникам в правое крыло.

– Да здесь заблудиться вообще легко, – поддержала Лерка и сообщила, – Я сейчас в библиотеку, к семинару готовиться. Физру пропущу, ты там отметь меня, хорошо? А после в кафе встретимся. Больше не теряйся, – бросила на прощание Лерка и устремилась вверх по лестнице на пятый этаж, где располагались библиотечные фонды.

Аля же спустилась на первый этаж, где находился боль-

шой спортзал. На физкультуре многого не требовали, главное только занятия не пропускать и в журнале отметиться. Сначала все делали зарядку и разминку, а потом желающие играли в баскетбол или волейбол, остальные же могли спокойно сидеть на лавочках. После занятия каждый подходил и ставил в большой тетради напротив своей фамилии плюсики. Флегматичный с ленцой физрук никогда не делал перекличку и не отмечал присутствующих сам. Аля быстро поставила плюсики себе и Лерке, переделась и пошла в кафе.

Лерка уже сидела за столиком вместе со своей подругой Надей и попивала чай с ванильным коржиком. Аля взяла бутылку минералки и села рядом, и в этот же момент за её спиной раздался уже знакомый громкий и нахальный голос:

– Крошка, нашла свою аудиторию, снова не заблудилась?

Девушки оборачиваются и видят, что к их столику приближается компания парней. Тот, что обратился к ней, невысокий, но плечистый и спортивного телосложения, с коротко стриженным ёжиком тёмных волос.

– Может, тебе экскурсию провести, чтобы не потерялась? – весело и вполне дружелюбно подхватывает другой, светловолосый, с веснушками на носу.

– А может, лучше в кино сходим, а крошка? Со мной не заблудишься, – бойко предлагает третий, невысокий и худощавый в компании старшекурсников.

Аля, смутившись такому напору сразу нескольких незнакомых парней, снова чувствует, что краснеет и хватает су-

мочку, готовая вскочить и убежать, но в это время в весёлую перепалку парней вмешивается ещё один голос, более низкий, более серьёзный, и в нём нет шутильных интонаций:

– Так, парни, притормозите. Если девочка куда и пойдёт, то только со мной. И в кино, и в парк, и экскурсии по универу я сам буду проводить.

Незнакомый парень подходит к компании парней стремительно, с шумом выдвигает стул и садится рядом с Алей, небрежным движением бросая рюкзак на соседний стул. Ей, несмотря на крайнюю степень смущения, всё же очень хорошо удаётся рассмотреть его. Рослый, высокий и темноволосый, с чёрными, большими по-восточному глазами, одетый в ослепительно белую рубашку с небрежно закатанными рукавами, тёмных брюках и с перекинутым через руку пиджаком, так резко отличался от весёлых парней, одетых в спортивные толстовки и поношенные джинсы с кедами, что сразу выделялся на их фоне.

– Присаживайтесь, парни, с девушками знакомиться будем, – предлагает он, – Узнаем, каким ветром таких хорошеньких девочек в наш универ занесло.

Парни берут стулья, стоящие за соседними столиками и с грохотом придвигают их к столику девушек, рассаживаются. Девушки чувствуют, что их окружили со всех сторон.

– Извините, но мы уже поели, нам пора идти на лекцию, – пискнула Лерка, предпринимая попытку встать, но крепкая рука надавила ей на плечо, заставляя снова опуститься на

стул.

– Не спешите, крошки, не спешите, – гоготнул стриженный ёжиком чуть половатый парень, и всё ещё держа тяжёлую ладонь на худом плечике Лерки, поинтересовался, – Куда спешите? Что вы на той лекции не слышали? Лучше с нами посидите.

– Кофе пьёте? – поинтересовался парень в белоснежной рубашке.

– Мы уже чай выпили, спасибо, – вежливо возразила Аля, чувствуя горьковато-можжевеловый запах его туалетной воды, что её смутило ещё больше, но ведь не отодвинешься, за столиком совсем не осталось свободного места.

– Ничего, теперь кофе выпьем, – парень махнул официанту, подзывая его, – Четыре экспрессо, крепких, без сахара, с молоком и два латте.

Надя, потупив взгляд, молчала, а Лерка изредка бросала беглые взгляды на парней и несмело им улыбалась.

– А и правда, давайте немного посидим, – предложила она, – Ничего страшного, если пропустим лекцию, всё равно она последняя.

– Давайте знакомиться, я Ильяс, – произнёс парень, когда официант принёс поднос с кофе, расставил их на столике и удалился. Парень проводил его беглым взглядом и снова повторил своё имя чётко, низким уверенным голосом, – Ильяс Тагаев. Мои друзья – Степан, Влад и Эдик.

Он по очереди представил парней, в ответ Лерка с при-

ветливой улыбкой произнесла:

– Лера. Аля и Надя. А вы на каком курсе учитесь?

– На пятом, ответил светловолосый Степан, – У нас вечеринка в пятницу намечается. Приглашаем.

– Нет, что вы... Мы же никого ещё не знаем, – смутилась Аля.

– Так вот и познакомимся. Приходите, девчонки, будет весело. В десять вечера в общежитии мехмата, – пояснил Ильяс, – Но мы можем пораньше состыковаться. Скажите адрес, мы заедем за вами.

– Нет, не нужно, – проявила упрямство Аля, – И почему так поздно?

– Это ещё рано, детка, – снисходительным тоном возразил Ильяс, – я сам за тобой приеду, готовься.

– Не поеду я никуда, – не вытерпела Аля, – И к тому же в пятницу вечером я занята.

– Чем же ты так занята, кроха?

– Буду писать конспекты к семинарам, – сухим тоном произнесла Аля, вытерпев насмешливый взгляд его тёмных глаз. Он сидел настолько близко, что Аля, набравшись смелости не отводить взгляда, рассмотрела радужку его глаз. Они не были чёрными, как это сначала показалось ей, они были насыщенного синего цвета. «Полночный синий», – вдруг вспомнилась ей цветовая палитра.

– Так не в пятницу же вечером это делать, – со смешком возразил тощий Эдик, – Вы резко за учёбу взялись, так на-

долго не хватит. Надо и отдыхать, девчата.

– Да ладно, Эдик. Не хотят, не надо, – беззлобно отозвался Ильяс, – Найду я вам на вечер девчонок, обещал же. Зря вы, девочки, ломаетесь. У нас всегда весело, со всеми можно перезнакомиться.

– Спасибо, но мы сами, – Аля решительно встала со стула, так и не притронувшись к кружке с вкусным ароматным кофе, – К тому же ваша компания нам, скорее всего, не подойдёт. Пошлите, девочки, лекция начнётся через две минуты.

Надя тоже поднялась, Лерка же, нехотя отодвинув кружку с недопитым кофе, произнесла:

– Кофе был вкусным. Спасибо, но нам пора, – и без всякого желания поплелась за уже вышедшими из кафе подружками.

– Да не за что, красивая, – усмехнулся ей вслед Ильяс, – Может ты сама, без подруг придёшь?

– А можно? – Лера остановилась и несмело взглянула на Ильяса.

– Телефон свой продиктуй, я тебе ближе к пятнице адрес скину. И приходи, конечно. Можешь подругу с собой взять. У нас компания в этот раз чисто мужская, нам её разбавить надо.

– Я приду, – пообещала Лерка, – До скорого.

– До пятницы, крошка, – хихикнул вслед Влад.

– Будем тебя ждать, – дружелюбно произнёс Эдик.

Ильяс посмотрел в сторону выхода, неспешно сделал гло-

ток кофе, который, кстати, оказался вкусным, терпким, ароматным, в меру горячим, не обжигающим, и задумчиво произнёс:

– И так, вопрос с вечеринкой остаётся открытым.

– А вредная всё-таки эта светленькая, которая заблудилась, – заметил Влад, – Если бы не она, девчонки бы в лёгкую согласились.

– Да нормальная она, – неожиданно возразил Ильяс, – Всё равно я к ней подход найду, парни. Вот увидите.

– Ну, посмотрим, посмотрим, – недоверчиво отозвался Эдик, – Вредина она и заучка, с такими только время терять.

– Таких ещё интереснее обламывать, – возразил Влад, и его приятели дружно усмехнулись. Все, кроме Ильяса.

– Да, ладно, его жертва уже обречена, – гоготнул Степан.

Но Ильяс неожиданно не разделил веселья приятелей и возразил с серьёзным, даже резким тоном:

– А мне понравилось, что она не повелась.

– Да, ладно, Ильяс, ты же видел, она просто цену себе набивает, и всё, – не согласился Эдик.

Ильяс промолчал на этот раз. Кто из них прав, они и так вскоре сами всё узнают.

## **Глава вторая. Аня**

*«Если бы я мог найти что-то чернее  
черного цвета, я бы использовал это»*

*Уильям Тернер, британский живописец*

Тишину гостиной резко нарушил звук падающего на ка-

фельный пол стекла. Тагир поднял взгляд от монитора ноутбука и встретился с испуганным взглядом молоденькой горничной. Возле её ног лежала груда разбитого фарфора, ещё несколько секунд назад бывшего стариной китайской вазой династии Мин, которую Тагир два года назад приобрёл на закрытом аукционе и очень гордился своим приобретением.

– Извините... Простите... – лепетала горничная, – я сейчас всё уберу.

Тагир медленно поднялся, медленно отодвинул стул и так же неспеша направился к нерасторопной девушке, остановился и посмотрел на неё сверху вниз. Девушка сжалась и интуитивно сделала шаг назад. Мужчина возвышался над ней, в его чёрных глазах нельзя было разглядеть никаких эмоций, но девушка чувствовала, что в них что-то опасное, и это вовсе не злость из-за разбитой вазы. Она вдруг отчётливо осознала, что невольно привлекла к себе внимание хищника, который до этого расслабленно отдыхал, но в любой момент был готов к нападению. Девушка опустила голову, отводя взгляд, но уже знала, что это не поможет избежать его тяжёлой энергетики.

– Ты реально считаешь, что можешь просто убрать осколки и всё? – слышался его тихий с явной насмешкой голос, – Ты хоть представляешь, сколько стоит эта ваза? Она была куплена за пять миллионов. И как ты поняла, не рублей.

Да, она поняла и сейчас лихорадочно отсчитывала свой годовой доход, который доходил до восьмьсот тысяч рублей

в год. Получается, ей шесть лет нужно работать в его доме бесплатно, чтобы расплатиться за разбитую вазу?! Но нет, это она только в рублях посчитала... Девушка в отчаянии закрыла лицо ладонями, пытаясь скрыть нахлынувшие на глаза слёзы. Следующий вопрос был ею ожидаем.

– И как ты собираешься расплачиваться? – поинтересовался насмешливый голос, – Составим акт порчи имущества?

– Нет, пожалуйста, нет! – она отняла руки от лица и умоляюще посмотрела на хозяина дома и запальчиво пообещала, – Я отработаю. Я всё отработаю.

– Да как ты можешь отработать, косорукая? – с презрением произнёс мужчина и протянул руку к её лицу, по которому катились слёзы. Подушечками пальцев он начал растирать эти слёзы по бледным девичьим щекам, а она стояла неподвижно и смотрела на него затравленным обречённым взглядом. «Отлично, – подумал Тагир, – То, что нужно» Эта глупая испуганная девчонка легко и добровольно шагнёт в ловушку, поставленную им. Он не планировал делать это специально, но теперь не сможет отказать себе в удовольствии этим не воспользоваться. Девчонка, совсем ещё молоденькая, лет восемнадцати, приехала из деревни. Тагир специально искал такую прислугу, которая будет бесправна перед ним. Мать этой девочки не просыхала от пьянок, отца давно не было. Жили в старом деревянном доме без всяких удобств и надежды на будущее. Денег на образование у этой

девчонки не было, и единственное, что она могла, это не пойти по стопам матери, не спиться и не опуститься, а уехать в город и найти хоть какую-то работу. И здесь ей очень повезло, как считал Тагир. Она устроилась в его дом на вполне приличную зарплату. Конечно, хорошая горничная оплачивалась дороже, но Тагир не спешил поднимать зарплату, потому что знал, что работа в его доме даёт ей главное преимущество перед другими вакансиями. Она имела возможность жить в его доме в комнате для прислуги и не платить денег за жильё, а это было немало для почти нищей девчонки, у которой нет ни родственников, ни знакомых в этом городе. Работу свою она ценила и старалась делать её хорошо. Но вот сегодня совершила такую глупую оплошность... Пальцы мужчины обвели контур её чуть припухлых губ, чуть нажали. И да, Тагир знал, что сейчас она не станет сопротивляться. Ничему. Что бы он с ней сейчас не сделал. Потому что её жизнь в его руках. И как же это было чертовски приятно ощущать!

Тагир не спешил воспользоваться ситуацией, банально трахнуть девчонку было ему, пресыщенному чувственными удовольствиями сибариту, просто неинтересно. Он хотел большего. Он хотел насладиться страхом, страданием, полным подчинением и возбуждением.

– Если ты не будешь против, я тебя накажу. И этим ты расплатишься за то, что натворила.

Девушка обречённо кивнула.

– Нет, ты скажи это громко и чётко, чтобы и я, и ты сама себя услышала, – настойчиво потребовал Тагир.

– Я согласна понести наказание, – произнесла она, и сразу же лицо её зарделось. Вот сейчас он потребует, чтобы она разделась перед ним... Это было и страшно, и почему-то волнительно.

– Как тебя зовут, напomini, – потребовал Тагир.

– Аня... – тихо прошептала девушка и снова опустила глаза.

– Спускайся в подвал и жди, – приказал он. Девушка послушно направилась к двери. Тагир задумчиво смотрел ей вслед. Да, она ведёт себя покорно, испугана и стеснена обстоятельствами. С неё можно сделать идеальную нижнюю.

В подвал он спустился не сразу, нарочно заставив девушку нервничать от страха и неизвестности, зашёл в столовую, достал из бара бутылку коньяка, налил в низкий пузатый стакан и неспешно выпил, и только после этого спустился в подвал.

Аня ждала его, прислонившись к холодной каменной стене. Тусклый свет делал пространство полутёмным и немного жутким. Тагир прошёл к ящикам, задвинутым в пыльный угол, и достал из одного из них тяжёлый металлический предмет. Девушка, замерев от страха, старалась рассмотреть его. Это был тяжёлый обруч из ржавого железа, вокруг которого торчали острые железные шипы.

– Это рогатка, – пояснил мужчина, – Эту антикварную

вещь я тоже купил на аукционе за довольно большие деньги. Будет справедливо, если ты станешь искупать свою вину именно так. Рогаткой наказывали нерадивых крепостных.

И пока девушка, парализованная страхом, осмысливала слова мужчины, он подошёл и одним быстрым движением наложил обруч вокруг её шеи. Аня вздрогнула и почувствовала холод и тяжесть металла. Обруч был очень тяжёлым, и стал ещё тяжелее, когда Тагир закрепил его большим железным замком.

– Ровно сутки. Ты должна ходить с ним сутки. Завтра в это же время я сниму его с тебя. А теперь иди и выполняй свои обязанности.

– А если кто увидит... – беспомощно пролепетала девушка.

– Ну и что? Ты добровольно согласилась на это наказание. Или передумала? Тогда давай оформлять порчу моего имущества и размер твоей компенсации. И цифра эта будет не в рублях, моя хорошая.

Девушка нервно сглотнула, чувствуя, как обруч сдавливает её шею и обречённо кивнула.

– Я согласна с вашим наказанием.

– Ну вот и хорошо. Иди работать, – и наблюдая, как она медленно поднимается по лестнице вверх, уже предвкушал пикантное удовольствие от того, что она ещё разрешит с собой сделать, когда в скором времени попадётся ещё в одну ловушку, но теперь уже не в случайную, а расставленную для

неё специально.

Когда Аня вошла на кухню, Лидия Ивановна всплеснула руками и посмотрела взглядом полным недоумения и ужаса.

– Божечки мои! Что это, Анечка?

– Я разбила дорогую вещь, и Тагир Амирович назначил мне такое наказание.

Лидия Ивановна вздохнула и больше ничего не стала спрашивать, и Аня, мучаясь от стыда, стала собирать еду на поднос, чтобы накрыть стол к ужину. И, к её огорчению, Тагир сегодня не ужинал один, с ним за столом оказался его племянник Ильяс. И пока девушка накрывала на стол, то ловила на себе его понимающий и сочувственный взгляд. Молодой мужчина ей ничего не сказал и ничего не спросил у своего дяди. И за это Аня была ему очень благодарна. И всё-таки ей было неловко и стыдно от того, что такой симпатичный парень видит её в таком неприглядном виде. К тому же он умён, он всё понял и без слов. И от этого становилось ещё унизительнее, чем раньше.

И даже то неудобство, которое доставлял ей ошейник с острыми шипами ночью, было несравнимо с тем, какому моральному унижению она подверглась в столовой, накрывая стол к ужину. Аня кое-как прислонила голову к стене и, стоя на коленях, задремала. Но едва она расслаблялась во сне и наваливалась на стену, как сразу же просыпалась от того, что обруч давил на её шею. Лечь на кровать она теперь просто

физически не могла, и ей оставалось только дремать сидя.

К вечеру следующего дня Тагир, как и обещал, снял с девушки обруч.

– Теперь я вам ничего не должна? – осмелилась спросить она.

– Теперь нет. Ты расплатилась своим унижением, моральными страданиями и бессонницей. Иди работай и будь осторожна с моими вещами.

Аня, ничего не ответив, постаралась быстрее исчезнуть в кухне. «Глупая, я тебя теперь где хочешь застану», – усмехнулся про себя Тагир.

И да, он поставил ловушку незамедлительно. Он так хотел насладиться её эмоциями, что не смог выждать и пару дней. Уже на следующее утро он обвинил горничную в краже большой суммы денег и вызвал полицию.

Когда Аня зашла в гостиную, её уже ждали двое полицейских, на кофейном столике перед ними лежало написанное на неё заявление.

– Ознакомьтесь, гражданка Лисина. Анна Дмитриевна Лисина, это вы? – строгим, не предвещающим ничего хорошего взглядом посмотрел на девушку один из полицейских.

– Да, я... А что случилось?

– Вы обвиняетесь в краже большой суммы денег.

Дрожащими, вспотевшими от волнения руками Аня взяла листок и стала читать, строчки сливались, взгляд никак

не мог сфокусироваться, а в горле пересохло. Сначала Аня не могла поверить в абсурдность происходящего, но когда вызванная Тагиром Лидия Ивановна, а за ней и охранник в один голос подтвердили, что видели, как она заходила в кабинет хозяина в неположенный для уборки час, и обнаружены именно её отпечатки пальцев на дверце тяжёлого дубового стола, где хранились документы, чеки, и день назад хозяин принёс наличные и тоже положил их в ящик стола. Ключи от кабинета были только у самого хозяина и горничной, больше никто не имел доступ в кабинет. В течение долгих утомительных двух часов опрашивалась прислуга, показания оформлялись письменно в протокол, и каждый говорил одно и то же, что ключ был только у Ани и её заметили выходящей в неположенный для уборки час. И только приехавший домой под утро Ильяс, племянник хозяина, не стал подтверждать то, что говорили другие.

– Меня не было вчера дома, – сообщил он, – Но я не верю, чтобы Аня могла что-то взять. Она работает у нас уже полгода, и за это время ничего не пропадало. Пусть Тагир внимательнее посмотрит у себя в кабинете и вспомнит, куда сам переложил деньги.

Аня взглянула на Ильюса благодарным, полным надежды взглядом, но, к сожалению, его показания не повлияли на исход дела. Тагир продолжал настаивать, свидетели ему поддакивали, и дело было возбуждено. Аня подписала расписку о невыезде и почти в полубессознательном состоянии добра-

лась до своей комнатки прислуги. Когда голоса стихли и от дома отъехала полицейская машина, её дверь без предупреждающего стука распахнулась и на пороге появился Тагир.

Аня лежала на узком диванчике, зарывшись лицом в подушку и безудержно плакала. Заметив Тагира, она начала всхлипывать осипшим от слёз голосом:

– Я не делала этого... Не делала... Вы знаете об этом...

– Конечно, знаю, – невозмутимо произнёс он и приблизился к диванчику. Аня подняла голову и посмотрела на вошедшего мужчину. Он возвышался над ней, беспомощно сжавшейся на узеньком диване, он внимательно рассматривал её распухшее лицо, покрасневшие от слёз глаза, дрожащие искусанные губы. Наконец, он продолжил, – Но ты ничего не сможешь доказать.

– Ильяс вам всё равно не поверил... – осмелилась возразить девушка.

– Ну и что с того? Не надейся, он тебе не поможет. В этом доме все будут делать только то, что я захочу, включая моего племянника. Тебе грозит тюремный срок за кражу. Но, как ты догадываешься, я дам тебе шанс его избежать. Выбор за тобой.

– Что я должна сделать?

– Вот это правильный вопрос и верный ход мыслей, – губы Тагира раздвинулись в некоем подобие улыбки, – Я приготовил тебе контракт. Почитай, ознакомься. Конечно, он не имеет юридической силы, но зато дисциплинирует, в нём всё

чётко прописано, чтобы у тебя не оставалось вопросов. Прочти. А когда будешь готова продолжить наш разговор, придёшь ко мне в кабинет. Я буду там работать до четырёх часов дня. Ровно столько времени я тебе даю на решение, а потом звоню в полицию и отдаю тебя под стражу.

Он швырнул на диван скрепленные листы бумаги и вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь. Листы упали на ноги девушки. Аня приподнялась и подняла их. И пока она читала, вытирая слёзы, чтобы они не застилали глаза, то всё больше отчаивалась и всё больше испытывала страх. Прочитав все пункты до самой последней страницы, Аня безвольно разжала пальцы и выронила листы на пол. Она сидела так долго, неподвижно, не шевелясь и смотря в одну точку на разбросанные по полу листы контракта. Контракта, подписав который, она теряет свою свободу на целый год и полностью передаёт себя в распоряжение Тагиру, который становится её хозяином и делает с её телом всё, что захочет.

Время подходило уже к половине четвёртого, когда в кабинет Тагира робко и тихо постучали.

– Входи, Аня, – раздался его спокойный голос.

Девушка вошла и положила на стол контракт.

– Я... Я согласна... – тихо, едва дыша прошептала она.

– А я и не сомневался, детка, – с едва заметной насмешкой ответил мужчина, – Ты девочка умная и должна была принять правильное решение в своих интересах.

– В контракте сказано, что я получу деньги...

– Да, ты правильно поняла, детка. Ты получишь ровно ту сумму денег, в краже которой тебя обвинили. Обвинение с тебя снимут завтра же, я всё улажу. Деньги получишь ровно через три месяца при условии, что выполнишь все пункты контракта. Я надеюсь, ты поняла всё, что от тебя требуется?

Девушка робко кивнула, мгновенно покраснела и опустила взгляд в пол. «Как это мило, как это вкусно... Не то, что со шлюхами», – подумал Тагир, а вслух сказал:

– Вот сейчас и проверим, правильно ли ты всё поняла, что от тебя требуется.

Он поднялся из-за стола и резким требовательным тоном приказал:

– Разденься и подойди ко мне.

Девушка вздрогнула, но начала медленно и несмело, перебарывая свой страх, стыд и смущение снимать с себя платье, нижнее бельё и чулки. Оставшись полностью обнажённой, она осмелилась взглянуть на мужчину. Тагир неподвижно стоял и рассматривал её тёмным, полным такой неприкрытой тяжёлой мужской похоти и вожделения взглядом, что Аня почувствовала слабость, испугавшись, что может лишиться чувств. Она медленно подошла к своему хозяину (Да, именно так, хозяину. Теперь даже в мыслях ей велено называть его так) и встала напротив него. От сознания того, что она такая хрупкая, маленькая, обнажённая и теперь полностью беспомощная перед ним, таким сильным, власт-

ным, возвышающимся над ней, сердце быстро забилося, а ноги стали подкашиваться.

– Повернись спиной ко мне, нагнись животом на столешницу и широко раздвинь руками ягодицы, – дал он чёткое подробное распоряжение. Аня, почувствовав спазмы в животе от страха, поторопилась исполнить приказ, пока поддержка не подвела её. Она развернулась к мужчине спиной, нагнулась и прислонилась животом к деревянной столешнице, уже очищенной от лежавших на ней документов, дрожащими руками, преодолевая жгучий стыд, раздвинула ягодицы. Утешая себя, что всё равно её никто не видит в этой унижительной постыдной позе, она с тяжело стучащим сердцем принялась ждать действий мужчины. Она почувствовала его приближение, ощутила, как его палец прикоснулся к тому месту, которое не предназначено природой для проникновения, и резко, в один миг с силой преодолевая сопротивление, вошёл во внутрь. Аня протестующе громко вскрикнула от резкой боли и встрепенулась, но вторая его рука нажала на её спину, заставляя замереть.

– Привыкай, – произнёс он, чуть пошевелив пальцем в тесной сжатой плоти и вызвав у девушки ответный стон, – Будет больно и неприятно, но ты должна безоговорочно всё терпеть. Больно, кстати, будет не всегда. Часто будет и очень хорошо. И даже боль причинит тебе наслаждение, – хриплым, лишающим воли, завораживающим, парализующим голосом произнёс мужчина, наклонился так, что его горячее

дыхание обожгло нежную кожу на тонкой шее девушки, и продолжил, – Чувствую, что здесь ты девственница. А в другом месте?

Аня ощущала как больно и очень неприятно толстый мужской палец растягивает её внутри. Девушке хотелось, чтобы он прекратил то, что сейчас делает, но она кротко и послушно ответила:

– Один раз было...

– Только один раз? – с сомнением спросил мужчина.

Она молча кивнула, но он резко потребовал:

– Говори с кем, когда, где и как!

– На дискотеке... Прошлым летом... У нас в деревне... С Толей, однокласником... – она отвечала из последних сил, всё больше сгорая от стыда из-за того, как и в каком положении ей приходится отвечать на самые интимные вопросы. Она, обнажённая, стоит согнувшись перед мужчиной, чувствует его палец, его неприятное вторжение, своё до полного бессилия унижение и едва сдерживается, чтобы сжаться и не расплакаться.

– Так... – тяжело и хрипло выдохнул Тагир, – Сколько раз он тебя трахал?

– Один, – всё внутри протестовала от этого грубого слова, но спорить она не решалась, – Было больно... И мне не понравилось...

– Ещё бы, – усмехнулся Тагир, – Что умеют эти малолетки? В рот ему давала?

– Что?... – не поняла девушка, но сразу же поспешно ответила, – Нет...

– А он просил?

– Нет...

– Какой же бестолковый у тебя парень, – усмехнулся Тагир.

– Он мне не парень. Мы не встречаемся.

– А это хорошо, – одобрительно произнёс мужчина, – Теперь ты только моя. Не понимаю, как можно, получив тебя, не воспользоваться всем, чем только возможно. На его месте я бы тебя просто так не отпустил. Он просто сунул, кончил и отпустил, больше ни на что не оказался способен. Можно считать, ты невинна.

Его палец вышел из её болезненно ноющей плоти. Аня сжалась в страхе предчувствия нового унижения, но Тагир отошёл от неё и велел:

– Одевайся и уходи. Тебе нужно хорошо отдохнуть, чтобы ты выдержала нашу первую встречу в комнате игр.

Аня быстрой тенью прошмыгнула мимо Тагира, торопливо стала одеваться, боясь, что он передумает и прикажет остаться. Одевшись, она почти выбежала из его кабинета, и только в своей комнате, задыхаясь от слёз и стыда, подумала, что означает эта «комната для игр» и где она находится. И ей стало страшно ещё больше, чем до этого. Аня чувствовала раздражение и тяжесть между ног, как будто его палец всё ещё был там, внутри неё. Пока она находилась в состоянии

шока, то до конца не понимала, что ей предстоит. Но сейчас, в спокойной и тихой обстановке, когда опасность ареста миновала, осознание всего безнадёжного ужаса в котором она оказалось, накрыло её мучительным жаром.

Уже на следующий день Тагир открыл тяжёлую, обитую бордовой кожей, дверь и, пропуская вперёд девушку, велел:  
– Заходи.

Аня послушно шагнула вперёд. Но стоило ей взглянуть на обстановку этой комнаты, как она в животном ужасе отшатнулась и метнулась назад. Но было уже поздно. Она наткнулась на твёрдую грудь мужчины, вставшего на пороге и ловко загородившего собой выход.

– Куда? – с усмешкой произнёс он и с глухим стуком закрыл дверь, щёлкнул замок.

Девушка смотрела с немым отчаянием на плотно запертую массивную дверь. Ей показалось, что это не дверь закрылась, а захлопнулся капкан. Наступила душная ватная тишина. Аня отпрянула от Тагира и пролепетала плохо слушающимися, ставшими каменными губами:

– Пожалуйста... Не надо... Отпустите... Я не хочу...

– Детка, я сам буду решать, что ты хочешь, а что нет, – произнёс Тагир, обхватил девушку за плечи и заставил развернуться лицом к холодно-синему свету ламп.

– Смотри! – тихо, но властно приказал он, – Если закроешь глаза, то будешь наказана. На одном из этих приспособ-

лений.

Он почувствовал, как тело девушки под его ладонями вздрогнуло и напряглось, одеревенело. Но она послушно подняла взгляд и посмотрела туда, куда он хотел. В центре большой и ярко освещённой комнаты находилась металлическая конструкция, напоминающая стул на ножках с трубками, к одной из которых прикреплена резиновая помпа, длинная трубка с надетым на неё резиновым фаллоимитатором выглядела пугающе.

– Это секс-машина, – объяснил Тагир всё с той же усмешкой на чувственных порочных губах, – Здесь много интересных игрушек. Пойдём, я всё покажу тебе, детка.

Аня почувствовала, как Тагир отпустил её плечи, но сразу же взял за локоть и заставил последовать за ним по комнате. Сразу за пугающей металлической конструкцией располагалось ложе в форме креста, к нему ниспадали прикреплённые на потолок ржавые толстые цепи, а на самом ложе, обтянутом красной кожей, прикреплены ремни для фиксации. Аня почувствовала дурноту и дрожь в ногах. Тагир, мгновенно это заметив, крепче сжал локоть девушки и требовательно произнёс:

– Смотри! Если не хочешь, чтобы я сейчас всё это испытал на тебе.

И Аня заставила себя не отводить взгляда, а послушно идти на дрожащих ослабших ногах дальше.

Далее, в левом углу комнаты, возвышалось гинекологиче-

ское кресло, а в противоположном углу – ванная, наполненная водой. Зачем всё это?! Здесь... зачем?! Аню охватило беспомощное отчаяние, всё тело забилося мелкой нервной дрожью. И снова, словно отвечая на её немой вопрос, Тагир подвёл девушку ближе к ванне с водой, наслаждаясь её испугом и недоумением.

– Игры с водой, малышка, – тихо шепнул он, обхватив крепкой сильной рукой затылок девушки и начал медленно поглаживать пальцами её тонкую шею, – Окунают, держат несколько секунд и вытаскивают жертву.

Аня дёрнулась, но пальцы мужчины крепче сжали её шею.

– Т-sss... Тихо, малышка, тихо... Будь послушной девочкой, и тогда мне не придётся тебя наказывать. Пошли дальше, здесь много всего интересного.

Тагир подвёл девушку к стене, на которой были закреплены ужасающего вида железные крюки, с них свисали ошейники, ремни и цепи, рядом на полу лежала деревянная колодка для фиксации ног и ещё одна, намного больше первой, с отверстием посередине для фиксации головы, когда жертва стоит на коленях.

– Это старинный вид наказания крепостных, – охотно объяснил Тагир, внимательно наблюдая реакцию девушки, жадно впитывая каждую её эмоцию. Лицо Ани побледнело, его черты заострились, глаза неподвижно застыли в немом ужасе.

– Я долго собирал старинные орудия пыток на дорогах за-

крытых аукционах. Так что до тебя на них мучилось много людей. А что мне не удалось достать в оригинале, сделано для меня на заказ по старинным гравюрам. Не всё уместилось здесь, особо громоздкие сооружения пришлось поместить в подвале. Такое вот моё маленькое увлечение, – спокойным приглушённым голосом говорил Тагир, пожирая такие вкусные эмоции страха своей жертвы. И продолжая с интонацией экскурсовода, – А что же у нас дальше? А дальше у нас флоггеры, плети и стеки.

Тагир заставил девушку пройти к противоположной стене и показал ей на огромный выбор приспособлений для порки. Аня вдруг почувствовала болезненный спазм в животе и приступ тошноты. И от этого сильного спазма ей вдруг захотелось в туалет, но она стерпела и заставила себя двигаться дальше к белым ячейкам ящичков, прибитых к стене. Тагир открыл один из ящичков и показал его содержимое. Аня не поняла назначения страшных приспособлений, похожих на орудия пыток. Тагир достал одно из них – похожее на нож на длинной ручке, только вместо лезвия на нём крутящийся диск со стальными иголками.

– Это колесо Вартенберга для проверки чувствительности нервных окончаний, – объясняет Тагир и вынимает из ящика следующие предметы – кляп, зажимы для сосков, восковые свечи, анальную пробку, вибратор и говорит голосом, ставшим более низким, хриплым, нетерпеливым, – Ты не представляешь, детка, как же я хочу всё это испытать на тебе.

Ты моя куколка, моя новая игрушка, и я так хочу начать с тобой играть. С чего начнём? Я предоставлю тебе право выбора.

Аня подняла взгляд, по её бледному лицу катились слёзы. Она в мучительной гримасе закусил губу, а потом жалобно и смущённо прошептала:

– Я хочу... в туалет... не могу больше терпеть...

Тагир понимающе усмехнулся:

– Испугалась, малышка? Не бойся, тебе понравится. Если будешь послушной девочкой, я не причиню тебе вреда.

Аня беспомощно всхлипнула. Тагир приблизился и провёл пальцем по её щеке, растирая по её лицу слёзы.

– Тебе понравится, – доверчиво прошептал он, взял за руку, отворил тяжёлую дверь и вывел девушку из комнаты в коридор. Аня почувствовала, как сразу воздух стал другим, не тяжёлым и вдохнула уже легче. Они прошли по коридору до соседней двери, оказавшейся туалетом. Аня скрылась за дверью и вышла через пару минут всё такая же бледная и растерянная.

– А теперь в ванную комнату, – приказал Тагир уже другим тоном, в котором не осталось ни намёка на насмешку, – Прими душ и тщательно подмойся. Я жду тебя здесь. Не задерживайся. Даю тебе ровно семь минут. Промедлишь – будешь наказана. Тогда начнём сразу с плети.

От его холодного властного тона Аня подобралась и сразу же вышла из оцепенения. Она поспешила в ванную комнату,

поспешно разделась и встала под душ, выполнила гигиенические процедуры быстро и тщательно. Страх подстёгивал её, торопил, не давал впасть в оцепенение. Как только девушка вышла, Тагир взял её за руку и нетерпеливо подтолкнул к тяжёлой массивной двери, толкнул в комнату. Дверь с глухим ударом плотно затворилась за ними.

### **Глава третья. Дима**

*Зачем плести интриги, когда  
они сплетены? Остаётся только  
вовремя дёргать за нужные  
ниточки.*

*«Bleach» Гин Ичимару*

После долгих и утомительных лекций и семинара в пыльной и душной аудитории прохлады осеннего дня казалась приятной, легкий ветерок приносил запах жжёной листвы и мокрого асфальта, недавно прошёл мелкий, почти летний, дождик. Аля не стала застёгивать плащ, ей хотелось ощущать прохладу влажного ветра. Девушка осторожно спустилась со ступенек на новых туфельках. Она ещё не привыкла к ним и не успела их разносить. Эти винтажные на вид туфельки очень понравились Але. Лакированные и тёмно-бордовые в стиле «Мери Джейн» с двумя перекрёстными ремешками возле самой щиколотки, они очень изящно смотрелись на ножках, обтянутых ажурными чулками цвета тёмного капучино. Аля вообще любила поэкспериментировать с модой и на занятия сегодня оделась в винтажном стиле, сде-

лала причёску и укладку как на старых фотографиях пятидесятих годов, надела шёлковую блузку темно-зелёного цвета с высоким воротничком и длинными строгими рукавами, чуть расклешённая с поясом юбка миди в темно-коричневом цвете. Чем была притягательна современная мода для Али, так это тем, что можно одеться в любом стиле и при этом не выглядеть выделяющимся из толпы. Современная мода вариативна, толерантна и демократична. И даже со скромными доходами можно одеваться вполне стильно.

Когда Аля достигла последней ступеньки, её догнал уже знакомый мужской голос:

– Давай подвезу, принцесса. Ты же без авто?

Аля повернулась, хотя обладателя бархатистого насмешливого голоса узнала сразу. Перед ней стоял Ильяс и внимательно смотрел на неё тёмными глазами, и не просто смотрел, а с интересом разглядывал её.

– Спасибо, но я сейчас не домой. У меня встреча в кафе, – стараясь, чтобы её голос звучал мягче, произнесла девушка.

Но было, похоже, что её отказ парня совсем не смутил, он продолжал внимательно смотреть на неё. И Аля вдруг ощутила, насколько этот взгляд тяжёлый и алчный, агрессивнo-мужской, и, осознав это, тут же смутилась так, что почувствовала предательский румянец на щеках.

– У меня есть одна единственная фотография бабушки, – вдруг непривычно тихим и приглушённым голосом говорит он, – Я никогда не видел её живой и не знал... Только один

фотоснимок. И на нём она такая как ты, юная, в расклешенной юбке, с такой же прической. Я хочу тебя нарисовать.

Аля не сразу нашлась, что ответить на такое очень откровенное признание практически незнакомого человека, но, поняв, что он ждёт её ответа, спохватилась:

– Я никогда не была моделью, боюсь, у меня не получится.

– А отказывать у тебя получается мастерски, – вдруг резким почти злым тоном отвечает молодой мужчина, – Что бы я не предложил тебе, ты виртуозно обламываешь меня, принцесса. Доброго тебе дня.

И резко развернувшись, быстрым шагом направился к парковке. Аля не двинулась, смотрела ему вслед на удаляющуюся широкую спину. Сквозь тонкую футболку было видно, как при стремительном движении перекачиваются мышцы на его плечах и спине. Девушка вдруг снова ощутила неловкость и отчего-то досаду, но не на него, на себя.

Девушка идёт не оборачиваясь, но спиной чувствует провожающий её взгляд. Она чуть ускоряет шаг, но, к сожалению, идти быстро в туфлях на каблуках не может и расслабленно выдыхает только когда пересекает парковку и оказывается за воротами территории университета. Возле автобусной остановки её ждёт Дима. Он внимательно и напряжённо смотрит через кованую ограду. Аля следует за его взглядом и замечает, что Ильяса уже нет на парковке.

– Кто этот парень, который к тебе сейчас подходил? Что

ему от тебя было нужно? – вместо приветствия ревниво спрашивает Дима.

– Да так... Один старшекурсник. Кажется, его зовут Ильяс... Да, точно, Ильяс Тагаев, – вспоминает Аля и добавляет небрежно, – Вчера на вечеринку нас с девчонками звал, но мы отказались.

– Кто? Тагаев? Ильяс Тагаев?! – недоверчиво переспрашивает парень, – Он звал тебя на свою тусу, а ты отказалась?! Так я тебя понял?

– А что, я должна была согласиться? – девушка с непониманием смотрит на своего друга, – Дима, что ты такое говоришь?

– Так... – Дима выдыхает, стараясь справиться с волнением и продолжает уже менее эмоционально, – Пошли, поговорить надо. Здесь у вас где-то кафешка неподалёку...

Он взял девушку за локоть и решительным шагом повёл её за собой через дорогу, где прямо напротив величественного, покрашенного в ярко-бордовый цвет здания университета находилось скромное маленькое кафе «Ваниль и корица». В уютном помещении за столиками всегда собирались студенты. Кто-то приходил, чтобы переждать окно между лекциями, кто-то встречался с друзьями, а кто-то и готовился к занятиям, расположившись за столиком с чашкой ароматного кофе, бутербродом и ноутбуком.

Дима купил две кружки кофе. Себе «эспрессо» без сахара и молока, и «капучино» с высокой горкой сливок для

Али. Молодые люди устроились за свободный столик.

– Аля... Алечка... – начал парень, накрыв ладонью руку девушки, – Ты же знаешь, как для меня важно организовать мою выставку? У меня опять всё сорвалось! Тот зал в галерее на набережной, который я хотел арендовать, уже отдали другому художнику, какому-то Маркелову. И только потому, что он смог оплатить заранее всю сумму аренды.

– А как же ваша договорённость? – возмутилась девушка, – Ты же раньше этот зал просил, и тебе обещали.

– Я не смог в срок достать деньги, Аля! В очередной раз всё сорвалось! Эти чёртовы деньги! В нашем мире талант не важен. Никому не важно, что талант может изменить мир к лучшему! Никому и дела нет, что у тебя есть талант, если у тебя нет денег! – Дима говорил так отчаянно, что у Али задрожало внутри от сочувствия и острого понимания несправедливости бытия.

– Но деньги можно достать, нужно только время... – постаралась она успокоить друга.

– И сколько лет я буду их доставать?! Я художник, а не бизнесмен, Аля! Пока я буду думать о деньгах, время уйдёт! Время, которое я должен потратить на картины! Мне нужна эта выставка! И именно в этой галерее, только там меня могут заметить. Галерея «Alessandro» даёт шанс стать очень известным художником. Аля, помоги мне, пожалуйста!

– Но что я могу сделать? – растерянно произнесла девушка, – Ты же знаешь, что у меня таких денег нет...

– Зато у Ильяса Тагаева они есть, – резко прервал её Дима, а девушка вздрогнула и недоверчиво посмотрела на друга. Он же хладнокровно продолжил, – Подружись с ним, войди к нему в доверие, а потом попроси его помочь с выставкой. Он может арендовать зал в «Alessandro». Аля, сделай это ради меня! Его семья влиятельная и богатая, дружба с такими людьми – это очень большая удача, Аля.

– Но... как я с ним подружусь? – в каком-то оцепенении возражает девушка, – Ты же сам говоришь, что у него другой круг общения...

– Он обратил на тебя внимание! На тебя, Аля! Ни на Надю, ни на Леру, ни на одну из твоих подружек. Так воспользуйся этим. Согласись пойти с ним на эту вечеринку.

– Но я же отказала ему... – слабо возражает Аля.

– Так скажи, что передумала! – настаивает парень.

– Я боюсь, Дима. Он звал в общежитие, а я там никого не знаю. Поздно вечером, незнакомая компания... Его друзья... Они все старше меня... – испуганно отпирается Аля.

– Давай сделаем так, – терпеливо, мягко, но настойчиво начал Дима тоном, каким уговаривают капризных неразумных детей, – Я тоже туда пойду.

– Но тебя ведь не звали, – продолжает возражать девушка.

– Да неважно, приду и всё. И буду рядом, но ты сделаешь вид, что мы не знакомы, окей?

– Ну, хорошо... – с сомнением произнесла Аля, и в её голосе всё ещё чувствовалась неуверенность.

– Алечка... ты одна мне сможешь помочь. Больше никто, – с горячностью продолжил Дмитрий, сжимая её руку в своей, – Иначе я обречён на забвение. И мои картины, и мой талант, всё пропадёт напрасно. В этом бездушном меркантильном обществе только деньги имеют ценность. Ни тонкая душа художника, ни поэта, ни музыканта не смогут выжить в этом мире без поддержки. А мне останется только унести все мои картины на чердак, забыть о них и пойти работать кассиром в «Пятёрочку».

– Нет! Ты не должен бросать живопись, – возмутилась Аля, – Я попробую уговорить Ильяса Тагаева тебе помочь, обещаю.

– Моя ты девочка, – Дима с благодарностью прижал тонкие пальчики девушки к своим губам и благоговейно произнёс, – Моя муза, душа моя...

– Лера, ты же говорила, что собираешься на эту вечеринку? – стараясь скрыть смущение, спрашивает Аля.

– А ты же вроде отказалась? – Лера небрежно раскладывает на туалетном столике косметику, одновременно держит перед собой смартфон, просматривая сообщения.

– Я передумала, пойду с тобой, – решительным тоном, больше чтобы убедить себя, чем подругу, произносит Аля.

– Классно, мне не будет так одиноко в начале, – легко соглашается Лера, – Тогда торопись, я собираюсь выйти минут через сорок.

– Поедем на такси? Или сами доберёмся?

– Ильяс обещал заехать, – как ни в чём не бывало, сообщила Лера с таким тоном, как будто это обычное, само собой разумеющееся явление – чтобы за ней заезжал наследник «Транс авто холдинга», как будто она девушка Ильяса Тагаева.

– Даже так?.. – изумлённо переспросила Аля, но сразу же справилась с эмоциями и взяла себя в руки, – Тогда, конечно, можно надеть туфли на каблуках.

Роскошный тёмно-синий, переходящий в чёрный мерседес «Майбах» – плавно, тихо шурша по гравию, подъехал к подъезду ровно в десять, без опозданий даже на минуту. Лера чуть не взвизгнула от восторга, но Аля настороженно заметила про себя, что, скорее всего парень просто хочет произвести впечатление дорогой машиной, к тому же педантичная пунктуальность в людях тоже вызывала у девушки настороженность. Ещё больше настораживала только безупречная аккуратность. Когда бабушка хвалила кого-то чересчур аккуратного и ставила в пример рассеянной слегка безалаберной Але, девушка только отмахивалась, но иногда, когда попытки перевоспитать её начинали сильно раздражать, Аля с иронией говорила: «Гитлер тоже был аккуратным, ну и к чему это привело?» Тогда бабушка переставала раздражённо отчитывать внуку.

Поэтому с лестницы Аля спускалась, не разделяя восторгов и оханий Леры, лучше бы машина была попроще, и па-

рень бы немного опоздал.

За рулём был сам Ильяс, без шофёра, одет, как показалось Але, слегка небрежно. Она ожидала, что он наденет красивую и дорогую рубашку известного бренда из какого-нибудь элитного бутика, но на парне оказалась простая хлопковая футболка и обычные джинсы серого цвета. Такое несоответствие дорогого авто и простого вида его хозяина озадачило и сбilo с толку Алю, которая уже предварительно сложила психологический портрет аккуратного, педантичного, хладнокровного и толстокожего красавчика, упивающегося своим положением, которое даёт ему возможность ощущать себя выше и лучше других.

– Привет! – радостно улыбнулась Лера, смотря на парня кокетливым взглядом из-под длинных и густых накладных ресниц, и бодро сообщила, – Аля решила тоже поехать с нами.

– Отлично, – ответил парень, не торопясь вышел из машины и приоткрыл дверцу, приглашая девушек занять задние места в салоне. Если Ильяс и удивился тому, что Аля передумала и изъявила намерение поехать с ним, то виду не подал. Он бросил быстрый, но очень пронизательный взгляд на Алю, и невозможно было понять по выражению его оставшегося невозмутимым выражению лица, одобрил ли он Алин вид или нет.

Девушка надела короткое платье, открывающее её стройные красивые ноги. Аля невысокого роста, но ноги у неё,

тем не менее, красивые, особенно если на девушке короткое платье и туфли на каблуках. Платье, конечно, не вызывающее, закрытый ворот и рукава, скрывающие плечи. И цвет у платья детский, нежно-голубой. Пышные густые волосы собраны в безжалостный тугий пучок и заколоты заколкой с блестящими стразами. Лера выбрала более яркий и открытый наряд – чёрный кружевной кроп-топ и узкие кожаные брючки, обтягивающие бёдра и ноги девушки как вторая кожа. И волосы, недлинные, но пышные, уложенные феном, Лера распустила по обнажённым плечам, в ушах при движении побрякивали крупные серьги с металлическими подвесками. Умелый макияж дополнял яркий образ и делал Леру чуть старше.

Автомобиль двинулся с места бесшумно и сразу набрал скорость. Просторный салон и непривычно мягкие удобные сидения, ненавязчивая музыка и скорость практически без шума создавали у Али иллюзию космической капсулы, стремительно летящей в просторы вселенной. Аля даже улыбнулась своим мыслям, как Ильяс снова удивил её. Он не старался поддерживать разговор, переключил тихую мелодичную музыку, и салон заполнил мощный мужской голос. По характерному нервно-динамичному исполнению Аля узнала «Нирвану».

В коридоре на лестнице горел тусклый свет, стены довольно пошарпаны и в некоторых местах потрескалась и даже от-

пала штукатурка. Даже странно, что такой парень, привыкший тусить по дорогим ночным клубам, пришёл на вечеринку в эту старую общагу. Как-будто читая её мысли, Ильяс пояснил:

– Компания здесь собирается хорошая. Здесь всегда весело.

– А как же комендант или вахтёр? – удивилась Лера.

– Коменданта сегодня нет, а с вахтером всегда можно договориться. Да вы не волнуйтесь, девчонки, у нас без происшествий.

Он провёл девушек по длинному коридору, где уже слышались звуки музыки, громкие голоса и смех. Ильяс распахнул одну из дверей комнат и, пропуская своих спутниц вперёд, громко объявил:

– А вот и мы! Спиртное в багажнике. Эдик, Влад, помогите притащить.

– Окей, – отозвался один из уже знакомых парней, и они вышли вслед за Ильясом, оставив девушек осваиваться. Пока компания собралась небольшая – трое девчонок-старшекурсниц и столько же парней, не считая тех, которые вышли.

– Э... мы с Ильясом, – смущаясь, произнесла Лера.

– Да мы поняли, располагайтесь. Ещё не все собрались, – отозвался один из парней и гостеприимно выдвинул из-за стола обшарпанные табуретки.

Когда вернулись парни и принесли пакеты с едой и выпивкой, в комнату стали приходить парни из соседних ком-

нат. Аля довольно поздно поняла, что это общежитие только для парней, девчонки жили в другом корпусе, и ей стало неловко за свою настойчивость сюда прийти. К тому же, судя по всему, организатором сегодняшней вечеринки был Ильяс, что тоже не придавало девушке уверенности в благополучном исходе сегодняшнего вечера. Но она сразу же вспомнила светлые и печальные глаза Димы, полные отчаяния и безнадёжности, и сразу же подавила в себе сомнения. Сам пропадай, а друга выручай, помнила Аля негласный закон их детства.

Когда в комнате стало тесно от набившегося народу, (кроме того, пришли ещё две незнакомые девчонки), музыкальный центр вынесли в коридор и устроили дискотеку прямо там. Девчонки-старшекурсницы вели себя громко и раскованно, флиртовали со всеми парнями, так что на их фоне не было заметно притихшей и затаившейся в углу Али со стаканом так и не выпитого красного вина. Лерка тоже успеха познакомиться с одним из парней и, схватив его за руку, потащила в коридор танцевать.

Аля не сразу заметила Диму, пришедшего немного позже. Он кивнул Але и пригласил на танец рыжеволосую коротко подстриженную высокую девушку в полупрозрачном топики и узкой короткой юбке. Значит, так надо, решила Аля, хотя наблюдать, как Дима обнимает незнакомую девушку, было неприятно и почему-то обидно. Так и не расслабившись и не выпив спиртное, Аля чувствовала неловкость в чужой

компании, в которой, к тому же, парней было больше, чем девчонок, и присутствие Димы тоже не давало чувства защищённости. Но к Але никто не приставал и даже почти не обращал внимания. И вскоре она догадалась, в чём дело. Все поняли, что она пришла с Ильясом, не Лера, а именно она, потому что танцевать её звал только Ильяс и спиртное в её стакан наливал только он. Аля уступила, выпила пол стакана вина и согласилась на два медленных танца. И далось ей это, вопреки её ожиданиям, нелегко. Близость незнакомого парня очень смущала и не давала расслабиться. Аля чувствовала на своей спине сильные горячие и уверенные руки, его тёплое дыхание. От него не пахло ни спиртным, ни табаком, как от его приятелей. Аля не заметила, чтобы Ильяс выпил или выкурил сигарету, девушка уловила едва ощутимый горьковатый можжевелевый запах его лосьона после бритья. То, что его тёмные цвета ночного неба глаза смотрели на неё внимательно, тоже выбивало из равновесия девушку. Но Аля помнила, ни на секунду не забывала, зачем и для чего она здесь и решала, как бы тактично обсудить с Ильясом тему галереи. Поэтому в очередной раз, когда зазвучала медленная чувственная музыка, призывающая разобрать девчонок и пообжиматься с ними в полутёмном коридоре, Аля опередила приглашение Ильаса и сама предложила:

– Здесь душно. Давай выйдем во двор подышать.

– Окей, – сразу же согласился парень, – Можем посидеть в машине.

Аля напряглась и подумала с опаской, что он неправильно истолковал её предложение. Но ей нужно было пойти с ним на более близкий контакт, а громкая музыка и полупьяные крики это сделать мешали.

Они спустились на первый этаж, где на вахте пустовало место вахтёра, и только маленькая лампочка тускло освещала вход. В тёмном дворе сразу же подул холодным, но таким свежим воздухом. Аля глубоко вдохнула, наслаждаясь прохладой и тишиной, от шума, духоты и волнений у неё начала болеть голова. Ильяс достал ключи зажигания, в темноте ярко мигнули фары его машины. Он подошёл к мерседесу и открыл дверь, Але ничего не оставалось, как юркнуть в темный салон. Ильяс приоткрыл окно, чтобы освежающий прохладный воздух проник в салон.

– Тебе нравится современная живопись? – спросила Аля, осознавая, как неуместно звучит её вопрос во время весёлой студенческой тусовки, да ещё когда она уединилась с парнем. Но Ильяс смотрел на девушку серьёзным взглядом.

– И не только современная, – неожиданно прозвучал его ответ, – Я сам занимаюсь живописью.

– Да?! – Аля не смогла сдержать удивления, и на этот раз интерес в её взгляде был искренним, – Ты сам пишешь картины?

– Ну, это сильно сказано. Иногда рисую по настроению, больше занимаюсь компьютерной графикой и фотографией.

– А ты не думал устроить выставку?

Ильяс как-то очень внимательно посмотрел на неё, так что стало почему-то очень неловко, и Аля поёжилась. Ну да... он же считает, что она искренне интересуется им самим, а она просто пытается подвести их разговор к тому, что нужно ей.

– У меня уже было несколько выставок, – ответил он.

– И где? – с живым интересом спросила Аля.

– В «Alessandro» и во «Флоренции». Если интересно, можешь посмотреть в интернете на сайте этих галерей, там есть мои работы.

– В «Alessandro»? – Аля не смогла сдержать удивления. Галерея «Alessandro» была практически нереальной недосягаемой мечтой Димы, не говоря уже о «Флоренции», туда он и думать опасался когда-либо попасть.

– Да, а что такого? – небрежно отозвался Ильяс.

– Я обязательно посмотрю твои работы, – пообещала Аля, оторвавшись от мыслей о Диме и снова вернув своё внимание Ильясу, – А сейчас не планируешь устраивать новую выставку?

– Нет. Зачем мне? – Ильяс провёл ладонью по рулю, постукивая пальцами в такт, – Это так... Порыв. Сейчас мне нужно закончить универ, а потом работать в компании моего дяди. Как видишь, времени для моего хобби сейчас нет.

– Но если ты любишь этим заниматься, то сам не сможешь без этого... – возразила Аля, помня, как Дима с утра до вечера пропадает в съёмной квартире, приспособленной под мастерскую.

– Иногда я рисую, но так... для души. Дядя Тагир не одобряет это занятие, – откровенно ответил Ильяс, взгляд его застыл на тёмном стекле, к которому порыв ветра прибил краснеющий кленовый лист.

«А ты делаешь только то, что твой дядя одобряет?» – хотела спросить Аля, но вовремя удержалась. Пока ещё между ними нет тех дружеских отношений, чтобы позволять себе такие ироничные вопросы.

– Один мой хороший знакомый тоже занимается живописью, – осторожно начала она, но не удержалась и продолжила с горячностью, – Он очень талантливый, правда! Я видела его работы. Они потрясающие!

– Да? – в тёмных глазах появилась добрая насмешка. Такая, с какой смотрят на милые чудачества детей, – И в какой технике он работает?

– В какой... – растерялась Аля, – Если честно, то я не разбираюсь в этом... Но это очень красиво! У меня есть фото его работ. Сейчас... покажу!

Аля, пребывая в волнении от того, что удалось вызвать интерес Ильаса, боялась, как бы он не сорвался с крючка, с таким трудом брошенного в его сторону, поспешно и даже суетливо достала смартфон и открыла галерею, чтобы показать молодому человеку фотографии работ Димы. Она настороженно, практически не дыша от волнения, наблюдала за выражением лица Ильаса, пока он внимательно и сосредоточенно рассматривал каждую из фотографий.

– Действительно, хорошо, – наконец произнёс он, возвращая смартфон Але.

– Правда? – с облегчением выдохнула девушка, чувствуя, как от сильного напряжения вспотели её ладони.

– Да. У твоего друга есть талант, – уверенным тоном ответил Ильяс.

– Обычно художники не хвалят работы других художников, – осторожно заметила Аля.

– Значит, я не художник, – неожиданно улыбнулся Ильяс, и улыбка так преобразила его лицо, сделала его таким живым, по-мальчишечьи лукавым, что Аля невольно залюбовалась. Вот такого Ильяса она, пожалуй, бы не боялась. А ещё если бы они по-настоящему стали друзьями было бы классно. Но дружба не начинается с обмана и выгоды, как в её случае. Аля передёрнула плечом, рассердившись на себя за эти неуместные сейчас размышления.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.